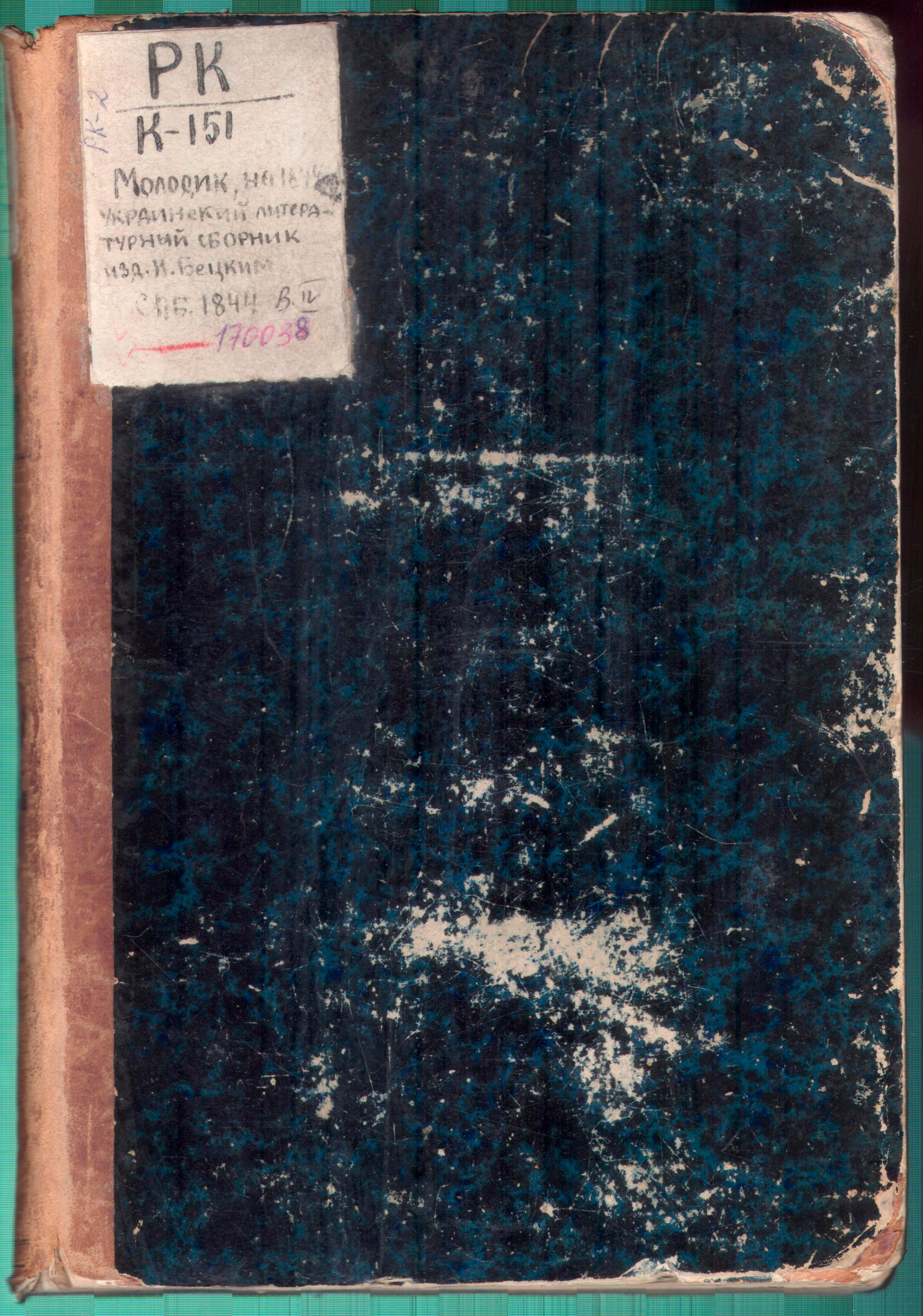
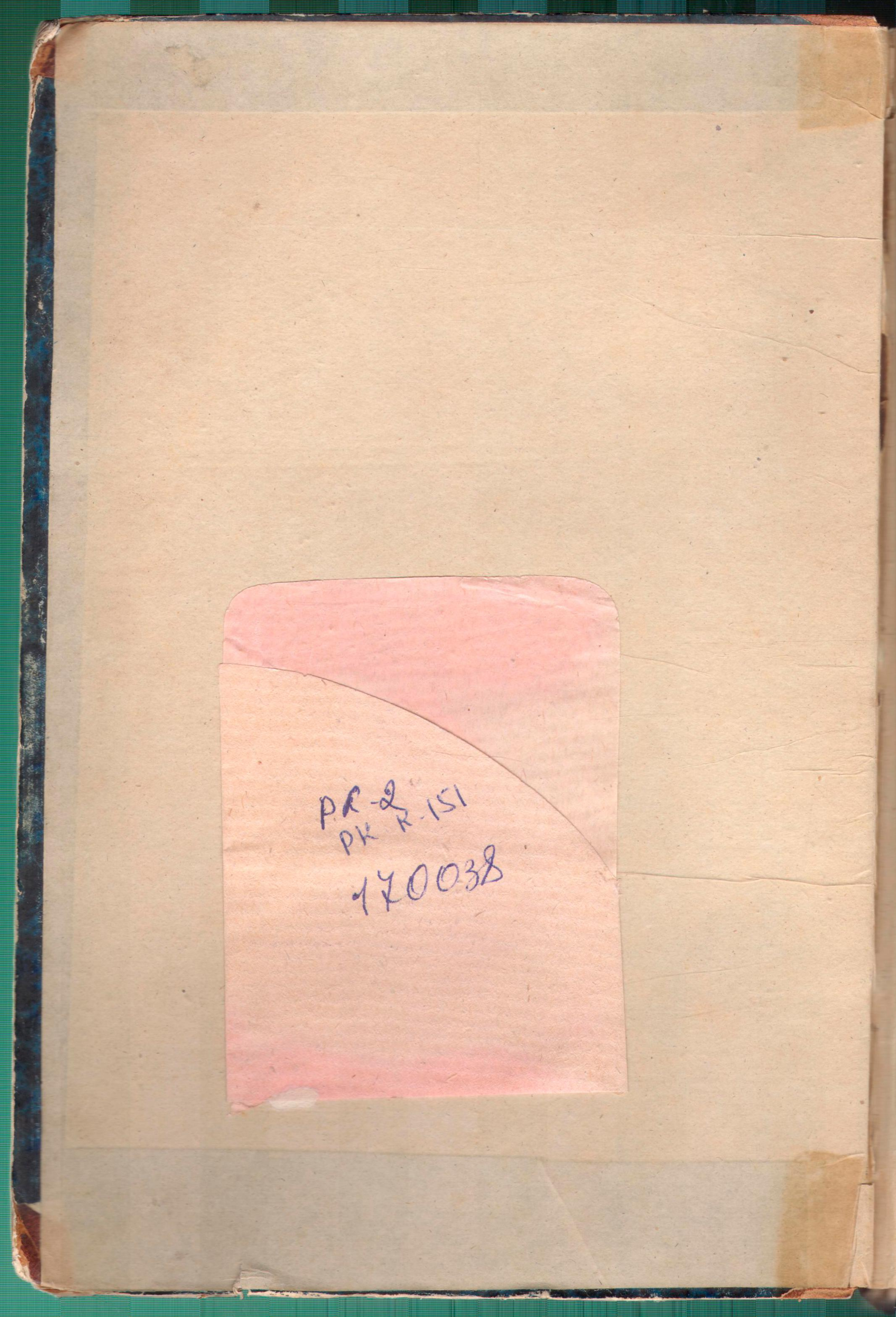

РК
РК-2
К-151
Молодик, на 1844
украинский литера-
турный сборник
изд. И. Бецким
СПб. 1844 В. II
170038

РК-2
170038
МОЛОДИКЪ
1844
2

PR-2
PK R-151
170038

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

№ 11

К 151

МОЛОДИКЪ.

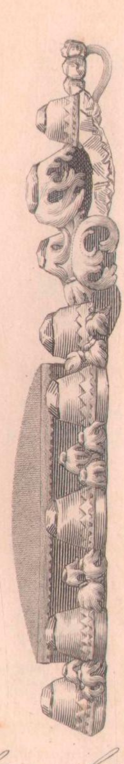
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

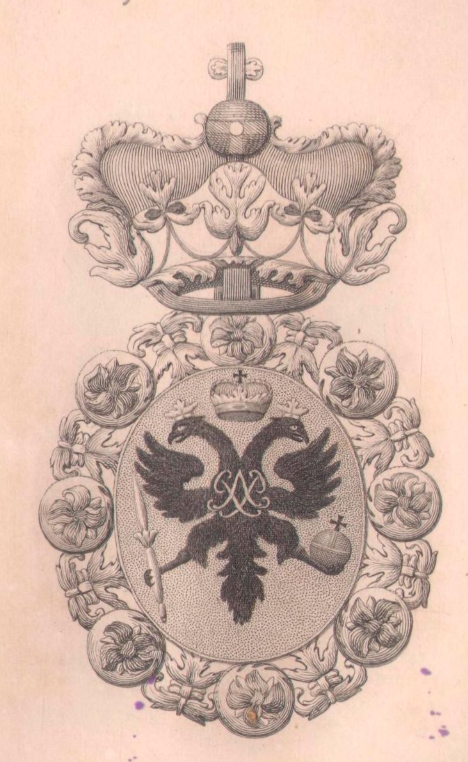
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

Портретъ

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА 1го,

пожалованный

Тимоѳею Васильевичу

НАДАРЖИНСКОМУ.

Грав: С. Захаровъ 1843 года.

К 151

МОЛОДИКЪ,

НА 1844 ГОДЪ,

УКРАИНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. Бецкимъ.

Въ пользу Харьковскаго Дѣтскаго пріюта.

В. IV

ЦЕНТ... БІБЛ 31769

1002/21

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1844.

Ц...ТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ХДУ
Інв № 170038

59

02

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ, С. Петербургъ, 22 марта 1844.

Цензоръ П. Корсаковъ.
Цензоръ А. Очкинъ.
Цензоръ А. Фрейгангъ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

Лит. Поля.

*Я бы давно уже былъ на дорогѣ
въ Римъ.*

Гоголь.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Г. К.

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я бывало воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы,
И ею сладостно дышалъ....
Но васъ я вижу, вамъ внимаю.....
И что же? слабый человѣкъ! —
Свободу потерявъ на вѣкъ,
Неволю сердцемъ обожаю.

А. Пушкинъ.

КЪ КАВКАЗУ.

Тебѣ Кавказъ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный,
Какъ сына ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной,
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой —
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

—

Еще ребенкомъ робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы,
Увитыя туманными чалмами
Какъ головы поклонниковъ Аллы.
Тамъ вѣтеръ машетъ вольными крылами,
Тамъ ночевать слетаются орлы,
Я въ гости къ нимъ леталъ мечтой послушной
И сердцемъ былъ товарищъ ихъ воздушной.

—

Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ
И вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ.
Какъ нѣкогда ребенку твой привѣтъ
Изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ,
Онъ пролилъ въ грудь мою забвенье бѣдъ
И дружески на дружной зовъ отвѣтилъ.
И нынѣ здѣсь въ полуночномъ краю
Все о тебѣ мечтаю и пою.

М. Лермонтовъ.

КЪ БУХАРОВУ.

Мы ждемъ тебя, спѣши, Бухаровъ,
Брось царско-сельскихъ соловьевъ,
Въ кругу товарищей гусаровъ
Обычной кубокъ твой готовъ.

Для насъ въ бесѣдѣ голосистой
Твой слухъ пріятнѣй соловья,
Намъ милъ и усъ твой серебристый
И трубка плоская твоя.

Намъ дорога твоя отвага,
Огнемъ душа твоя полна,
Какъ вновь раскупренная влага
Въ бутылкѣ стараго вина.

Столѣтья прошлаго обломокъ
Межъ насъ остался ты одинъ,
Гусаръ прославленныхъ потомокъ,
Пировъ и битвы гражданинъ.

М. Лермонтовъ.

* * *

Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный
Вамъ строки чудныя писалъ,
И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный,
Воспоминаньемъ оживленный,
Онъ передъ вами изливалъ.
Онъ васъ не зрѣлъ, но ваши рѣчи,
Какъ отголосокъ юныхъ дней,
При первомъ звукѣ новой встрѣчи
Его встревожили сильнѣй.
Тогда признательную руку
Въ отвѣтъ на вашъ привѣтный взоръ,
На встрѣчу радостному звуку
Онъ въ упоеніи простеръ.

—

И я, повѣренный случайный
Надеждъ и думъ его живыхъ,
Я буду дорожить какъ тайной
Печальнымъ выраженьемъ ихъ.
Я вѣрю, годы не убили,
Изгладить даже не могли,
Все что вы прежде возбудили
Въ его возвышенной груди.
Но да сойдетъ благословенье
На вашу жизнь, за то что вы
Хоть на единое мгновенье
Умѣли снять вѣнецъ мученья
Съ его преклонной головы.

М. Лермонтовъ.

———

КНЯЗЮ
ВЛАДИМІРУ ИВАНОВИЧУ
БАРЯТИНСКОМУ.

(При отъѣздѣ его на Кавказъ.)

═

Насталъ печальный часъ разлуки!
Прощальный кубокъ сей прими
И молча дружескія руки,
Рукою дружеской сожми.
А теперь вина!
Наливай полнѣй,
Выпивай дружнѣй,
Выпивай до дна!
Въ краю далекомъ, гдѣ такъ грозно
Кипитъ неугасимый бой,
Съ друзьями ты не будешь розно
Покуда кубокъ нашъ съ тобой.
Кубокъ ты нальешь
Помянувъ друзей,
И виномъ скорѣй
Тяжкій вздохъ запьешь!
И тамъ гдѣ скрытый врагъ и явный
Свою добычу сторожитъ,
Да будетъ кубокъ сей заздравный
Хранитель твой и вѣрный щитъ.
Дайте же вина!
Жаждой пышетъ грудь,
На счастливый путь
Выпьемъ всѣ до дна!
Пускай стрѣла иль пуля свиснетъ —
Тебя отъ пуль и вражьихъ стрѣлъ
Живымъ виномъ нашъ кубокъ вспрыснетъ
И будешь невредимъ и цѣлъ!

А теперь вина!
Наливай полнѣй,
Выпивай дружнѣй,
Выпивай до дна!

Князь П. Вяземскій.

20 марта 1842 года.

ТУЧА.

Темна и громадна, грозна и могуча —
По небу несется широкая туча.
Взгляните: какъ вѣтеръ ей кудри клубитъ,
Ей перси лелѣетъ,—и, полный усилья,
Принявъ ея тяжесть на мягкія крылья,
Ее по пространству воздушному мчитъ!
Ничто не смущаетъ высокаго хода:
Кругомъ—безпредѣльный просторъ и свобода;
Картина вселенной предъ нею полна;
Предъ нею открыты эѳирныя бездны,
И рать херувимовъ, и полчища звѣздны,
И что же?—Взгляните на тучу: черна!
Сурова! угрюма!—съ нахмуреннымъ ликомъ,
На міръ она смотритъ въ молчаніи дикомъ,
И душно, и грустно ей въ небѣ родномъ,
И видъ ея гнѣвный исполненъ угрозы;
Въ свинцовыхъ глазахъ ея замкнуты слёзы;
Межъ ребрами пламя, подъ мышцами громъ.
Страдальца-поэта удѣлъ ей назначенъ:
Высокъ ея путь, и свободенъ, и мраченъ;
До срочнаго мига все тихо кругомъ....
Но вотъ—встрепенулись дозрѣвшія силы,
Браздами просѣклись огнистыя жилы

И въ крупныхъ аккордахъ разсыпался громъ.
И послѣ минувшей, утихнувшей бури
Живѣе сіянье бездонной лазури,
Свѣжѣе дубравы зеленая сѣнь,
Душистѣй дыханье и розъ и ясминовъ,
И радугу гордо съ плеча перекинувъ,
Нагнулся на западъ ликующій день.
А туча—изринувъ и громы и пламя,
Уходитъ въ лоскутьяхъ, какъ ветхое знамя,
Какъ эти святыя хоругви войны,
Избитыя въ схваткѣ послѣдняго боя,
Какъ жалкое рубище мужа-героя,
Изгнанника свѣтлой, родной стороны.
И вотъ, остальнымъ разрѣшаясь ударомъ,
Подъемлется туча рѣдѣющимъ паромъ,—
Прозрачна, чуть зрима для слабыхъ очей,
И къ небу прильнувъ золотистымъ туманомъ,
Она исчезаетъ въ отливѣ багряномъ
При матовомъ свѣтѣ закатныхъ лучей.

В. Бенедиктовъ.

БРАКЪ ГРУЗІИ

СЪ РУССКИМЪ ЦАРСТВОМЪ.

Дѣва черноглазая! дѣва чернобровая!
Грузія, дочь и зари и огня.
Страсть и нѣга томная, прелесть вѣчно новая
Дышатъ въ тебѣ, сожигая меня,

Не томитъ тебя кручина
Прежнихъ пасмурныхъ годовъ!
Много было жениховъ,
Ты избрала Исполина!

Вотъ онъ идетъ: по могучимъ плечамъ
Пышно бѣгутъ свѣтлорусыя волны;
Взоры подобны небеснымъ звѣздамъ,
Весь онъ и жизни, и крѣпости полный,
Гордо идетъ безъ щита и меча;
Только съ лѣваго плеча
Зыбясь падаетъ порфира;
Свѣжъ онъ какъ снѣгъ, грудь что степь широка
И желѣзная рука
Твердо правитъ осью міра.

Вышла невѣста на встрѣчу: любовь
Зноемъ полудня зажгла ее кровь,
И откинувъ покрывало
Отъ стыдливаго чела,
Вдаль все глядѣла, всѣмъ звукамъ внимала,
Тамъ подъ Казбекомъ въ ущельи Дарьяла
Жениха она ждала.
Въ сладостномъ восторгѣ съ нимъ повстрѣчалась
И перстнями помѣнялась,
Въ пѣнѣ Терека къ нему
Бросилась бурно въ объятья, припала
Нѣжно на грудь жениху своему,
Приняла душу и вся просіяла.
Прошлыхъ вѣковъ не тревожся печалью,
Вѣчно къ Россіи любовью гори,
Слитая съ нею какъ съ бранною сталью,
Пурпуръ зари.

А. О.

———

ОТПЛЫВАЮЩІЙ ПАРОХОДЪ.

Къ дальнему берегу древней мудрой Германіи,—моремъ
Славнымъ войной и торговлей въ исторіи міра, и страшнымъ
Повѣстью бурь знаменитыхъ въ преданьяхъ старинныхъ и
новыхъ,—
Завтра прядая по волнамъ спокойнымъ, безъ помощи вѣтра,
Собственной тайною силой кипя и стремяся пойдешь ты,
Стройная диво-громада, вымыслъ и честь предъ вѣками
Нашего вѣка!... Пойдешь ты, мѣрно и быстро шагая
Шагомъ гиганта,—не зная препоны ни устали, развѣ
Въ нѣдрахъ твоихъ невидимо вспыхнетъ врагъ лютый—пожаръ,
И междоусобною бранью огонь на огонь устремится....
Но Боже спаси и помилуй отъ бѣдствія рѣдкаго путь твой!!....
Ахъ! безъ того, отплывая, ты много сердецъ возволнуешь
Грустной, тревожной заботой!... отъ невскихъ бреговъ горде-
ливыхъ
Много умчишь ты скитальцевъ—и много разлучишь любящихъ
Коимъ во вѣки, быть можетъ, не свидѣться вновь на землѣ!...
Кто за здоровьемъ отправленъ,—кто по дѣламъ увлеченъ;
Всѣ они завтра толпою на палубу ступятъ, прощаясь
Съ сѣверной нашей столицей,—но всѣ ли вернутся опять?....

Гр. Евд. Растопчина.

Петербургъ, 3-го мая 1842.

СЪ ЖЕЛѢЗНОЙ ПАЛКОЮ

ѲАДЕЙ.

(*Олонецкое преданіе.*)

Во времена Царя — Петра,
Жилъ дивный мужъ въ Корелѣ дикой —
Ѳадей, рабъ Божій, другъ добра,
Мужъ святъ и труженикъ великой.
Врагъ золота и серебра,
Кой-какъ маячась на день сo дня,
Безъ думъ, безъ завтра, безъ вчера,
Онъ зналъ одно свое сегодня...
Старикъ вездѣ, старикъ нигдѣ,
Являлся въ церкви и въ судѣ:
Тамъ — образецъ молитвъ усердныхъ,
А тамъ — дѣлецъ, истецъ за бѣдныхъ;
При всякомъ горе, при бѣдѣ —
Всё онъ!... Кипѣла-ль ссора съ свалкой,
Ѳадей былъ тамъ — какъ въ руку сонъ —
Громя бойцовъ желѣзной палкой:
Всегда ходилъ съ той палкой онъ!..
Съ своей утиной перевалкой,
На свадьбу часто съ похоронъ,
Бѣжалъ онъ въ колпакѣ двурогомъ....
Юродъ — въ отрепіи убогомъ, —
Съ дѣтьми онъ жилъ, съ дѣтьми игралъ,
Верхомъ на палочкахъ ѣзжалъ;
Но громовой перунъ блисталъ
Во взорѣ остромъ, взорѣ строгомъ,
Когда, въ грѣхѣ, онъ обличалъ
Безчинниковъ закоренѣлыхъ.
Огонь — въ своихъ порывахъ смѣлыхъ —
Стоялъ онъ смѣло за людей
И часто, часто злыхъ судей,

Или приказныхъ закоснѣлыхъ,
Крестилъ разгнѣванный Ѳадей,
Желѣзной палкою своей!.....

Ѳедоръ Глинка.

ПРОДАННЫЙ ДОМЪ.

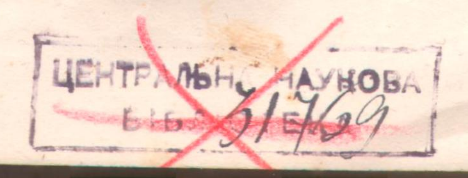
ЭЛЕГІЯ.

Въ тѣ дни, когда добро и знанья
Цѣнились выше серебра,
Здѣсь было мѣсто воспитанья,
Былъ домъ науки и добра;
И всѣ мы — сверстники младые —
Мы спѣли къ будущему тамъ,
И эти стѣны, намъ святыя,
Второй отчизной были намъ!

Отсюда вышли поколѣнья:
Отцы и дѣти! — Всѣ мы въ немъ
Млекомъ питались просвѣщенья
И твердымъ истины плодомъ;
Отсюда — чистый отъ навѣтовъ
Цвѣтъ лучшій родины сыновъ,
Жуковскій — красота поэтовъ.
И твердый правдою *Дашковъ*!

Тутъ былъ нашъ праздникъ испытанья,
Послѣдній шагъ ко входу въ міръ,
Гдѣ въ благородномъ состязаньи
Звенѣли струны юныхъ лиръ;

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Інв. №

Пиръ общій чести и науки,
Отцовъ, наставниковъ, дѣтей,
Гдѣ всѣ, подавъ другъ другу руки,
Родпились радостью своей!

—

Вотъ зала та, гдѣ съ стѣнъ завѣтныхъ
Взирали лики прежнихъ лѣтъ,
Въ чьихъ взорахъ, важныхъ и привѣтныхъ,
Читали мы добра завѣтъ;
Шуваловъ — памятію вѣчный,
Херасковъ — кинутый давно,
И *Муравьевъ* чистосердечный,
И добрый мужъ *Мелисино!*

—

Вотъ здѣсь былъ храмъ подъ круглымъ сводомъ,
Гдѣ предстоящій алтарямъ
Предъ юнымъ, зрѣющимъ народомъ
Взносилъ обѣты къ небесамъ!
Изъ чистыхъ душъ любви моленье
Всходило сквозь кадильницъ мглу,
И тихій хоръ въ согласномъ пѣньѣ
Изъ юныхъ устъ свершалъ хвалу!

—

А здѣсь, гдѣ дворъ широкій, чистый
Былъ міра дѣтскаго предѣлъ,
Тамъ мелкій рой нашъ голосистый
Игралъ, и бѣгалъ и шумѣлъ!
А здѣсь былъ садъ, гдѣ старшихъ братій
Въ тѣни сбирался тихій кругъ,
И другу мыслей плодъ занятій
Дѣлилъ въ довѣрчивости другъ!

—

Центральная Научная Библиотека

И живъ, и свѣжъ подъ сѣдинами
Еще тотъ старецъ, тотъ мудрецъ,
Который опыта лучами
Свѣтилъ намъ въ глубь младыхъ сердецъ,
Чья въ путь отчизны благородный
Благословляла насъ рука!...
Его не помнитъ міръ холодный;
А домъ тотъ — проданъ съ молотка!

—

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Мих. Дмитріевъ.

20—21 сентября 1843.

—

НА КОНЧИНУ А. Т. К-ВОЙ.

11-го декабря 1842 года.

Она угасла — отстрадала,
Страданье было ей вѣнцомъ;
Она мучительнымъ концомъ
Достигла свѣтлаго начала.

Грустна сей бренной жизни глушь;
Въ ней щастья нѣтъ для ясныхъ душъ:
Ихъ мучитъ тяжко и жестоко
Невольный взглядъ на море зла,
На видъ ликующій порока
И свѣта скучныя дѣла, —
И гордо отвергая розы
И жизни праздничный сосудъ,
Онѣ на часть себѣ берутъ
Святыя терпія и слезы.
Отрада ихъ въ житейской мглѣ
Одна — сочувствовать глубоко
Всему, что чисто и высоко,
Что свѣтитъ Богомъ на землѣ.
Удѣлъ ихъ высшихъ наслажденій
Не въ блескѣ злата и сребра,
Но посреди благотвореній,
Въ священныхъ подвигахъ добра!

Такъ перейдя сей дольней жизни
Добромъ запечатлѣнный путь,
Она взлетѣла — отдохнуть
Въ своей божественной отчизнѣ.
Тяжелый опытъ превозмочь
Судьба при жизни ей судила:
Она давно невѣсту-дочь
Въ тотъ міръ нетлѣнный отпустила.

И переждавъ разлуки срокъ,
Спѣша къ родимой на свиданье,
Она другую на прощаньѣ
Землѣ оставила въ залогъ,
Чтобъ *тамъ* и *здѣсь* свой образъ видѣть,
И утѣшая ликъ небесъ,
Земли печальной не обидѣть,
Гдѣ свѣтлый бытъ ея исчезъ!

В. Б.

ПОЭТЪ ВЪ СЕБѢ.

Зубъ шатается ужъ больно
И сѣдѣетъ усъ!
Въ битвахъ жизни я невольно
Становлюся трусъ...

—

Я шутилъ, бывало, свалкой,
Первый лѣзъ на споръ!
А теперь, подпершись палкой,
Тихъ... и въ землю взоръ...

—

Видно есть такія лѣта, —
Жизни угомонъ, —
Что летучесть и поэта
Обращаютъ въ сонъ!...

—

Но и въ снахъ онъ видитъ дивы
И — мечтой счастливъ —
Онъ — *устами* молчаливый,
Сердцемъ говорливъ!

Ѳедоръ Глинка.

Русская думка.

То не взмахомъ крылъ надъ проточиной
Лебедь бѣлая отряхается;
Не черемушки гибкой маковкой
Перелетный вѣтръ потѣшается;
То не парусы струга легкаго
На сѣдыхъ волнахъ колыхаются;

А въ цвѣтистомъ саду
На пахучемъ лугу,
Красны дѣвушки
На качелюшкахъ
Потѣшаются.
Кудри шелковы
Съ бѣлоснѣжныхъ плечь
Развѣваются.
Ткани тонкія
Бѣлымъ парусомъ
Привздымаются.
Чуть прозрачный кровъ
Съ персей пышущихъ
Порывается.
Взоры ясные
Яркой молніей
Блещутъ радостно.
Надъ качелями
Быстрометными
Хохотъ слышится.

—

И примерклыя
Очи старыя,
Рѣзвой младостью
Прояснилися.

—

Ахъ! зачѣмъ же вы, быстрометныя,
Точно крылушки поднебесныхъ птицъ
Подстрѣленныя, опустилися!
Какъ черемушки вѣтви гибкія
Проливнымъ дождемъ приклонилися!
Будто парусы струга легкаго
Межъ сѣдыхъ валовъ въ воду канули!
Ахъ! въ цвѣтистомъ саду,
На пахучемъ лугу,
Красны дѣвушки
На качелюшкахъ
Не качаются!
Кудри шелковы
Съ бѣлоснѣжныхъ плечъ
Не свѣваются!
Ткани тонкія
Бѣлымъ парусомъ
Не вздымаются!
Чуть прозрачный кровъ
Съ персей пышущихъ
Не срывается!
Взоры свѣтлые
Яркой молніей
Не блестятъ въ очахъ!
Пташки райскія
Разлетѣлися,
Красны дѣвушки
Разбѣжалися!

—

Мнѣ на старости,
Неключимому,
Не осталось чѣмъ
Вспомнить молодость.

—

Ахъ! куда же вы подѣвалися
Миловидныя, ненаглядныя?
Ужъ не слышны мнѣ ваши говоры,
Не живятъ меня ваши хохоты.

*

Вотъ одна изъ васъ, что ни милая,
На качели вся, будто нѐхотя,
Опустилася съ края летнаго.
Не палитъ она
Краснымъ солнышкомъ,
А блеститъ, душа,
Блѣднымъ мѣсяцомъ.
Ножки быстрыя
На доскѣ лежатъ,
Будто вѣточки
Подкошенныя.
Ручки нѣжныя
Захватилися
За качельныя
Двѣ веревочки;
А головушка
Точно маковъ цвѣтъ,
Отъ жаровъ большихъ
Опускаяся,
Тѣнь набросила
На высоку грудь,
Лебединую.

—

Отъ чего же ты
Пригорюнилась?
Кто, сердечная,
Пригрустилъ меня?

Князь А. А. Шаховскій.

———

* * *

По лону ясному залива голубаго
Мы тихо плыли съ ней вдаль берега крутаго.
Былъ вечеръ ужъ давно, лѣнивое весло
Едва струило водъ зыбучее стекло,
По влагѣ проводя полоску золотую.
И любовался я на дѣву молодую:
Она, задумчиво склонясь на край ладьи,
Ловила легкія, прозрачныя струи
И руку бѣлую въ кристаллъ ихъ погружала;
А полная луна снопъ огненный бросала
На зеркальный заливъ, и въ лонѣ чистыхъ водъ,
Казалось, потонулъ небесъ лазурный сводъ,
Дрожали звѣзды въ немъ, и ярко между ними
Мелькалъ прекрасный ликъ съ кудрями золотыми.

Н. Грековъ.

ВСТРѢЧА.

Я съ дѣтства не видался съ вами:
Объ васъ надолго я забылъ,
Увлекся новыми мечтами,
Былое въ сердцѣ заглушилъ....
Благодаря случайной встрѣчѣ,
Я средь толпы увидѣлъ васъ,
Я слышалъ звуки вашей рѣчи, —
И жажду слышать ихъ не разъ.
Моя душа печали тайной
Была исполнена тогда.
Себя и васъ, какъ-бы случайно,

И наши дѣтскіе года
Я вспомнилъ....
Кàкъ вы измѣнились,
Кàкъ стали чудно хороши!...
Въ васъ чувства новыя родились
И рѣчи полныя души....
Но—вы простите мнѣ—желалъ я
Малюткой прежней видѣть васъ,
Когда дитёй, какъ вы, игралъ я,
Когда все радовало насъ;
Какъ мы веселыми очами
На всё взирали, всё любя,
Когда надеждой и мечтами
Не отравляли мы себя!...
За эти думы и волненья
Я долженъ васъ благодарить: —
Вы дали мнѣ хоть на мгновенье
Душою дѣтскою пожить....

* * *

ПОТОКЪ.

Все земное увлекаетъ
Быстрый времени потокъ,
Все плыветъ и проплываетъ —
Лира, скипетръ и вѣнокъ!
И плывутъ по немъ обломки
И боговъ и алтарей,
И за предками потомки
Проплывутъ потокомъ дней!
И плывутъ незнанья полны
И откуда и куда!

За волнами идутъ волны,
Мимо идутъ берега!
Взоръ чаруетъ перемѣна,
Зыбь укачиваетъ ихъ,
И во снѣ за сценой сцена,
Радость, горесть, все на мигъ!
Лишь мудрецъ неколебимо
На брегу одинъ сидитъ;
Видитъ все, что мчится мимо,
Помнитъ, мыслитъ и молчитъ!
Знаетъ онъ одинъ отколѣ,
Знаетъ онъ одинъ куда!
Чуждъ онъ ихъ веселой волѣ;
Мудрость тоже имъ чужда!
Вотъ онъ слышитъ лиры звуки,
По волнамъ плыветъ пѣвецъ,
И простеръ къ нему онъ руки
И взываетъ, какъ отецъ:
«Выдь, мой сынъ! оставь ихъ племя!
Пусть ихъ мчатся по волнамъ!
И пойдемъ мы, сбросивъ бремя,
Къ тихимъ вѣчности брегамъ!»

Мих. Дмитріевъ.

ЭПИТАФІЯ
МИЛОМУ ЮНОШѢ,
П. А. ДАШКОВУ.

Любимецъ ближнихъ и друзей —
Съ собой для всѣхъ носившій радость,
Прекрасный—какъ мечта, привѣтливый—какъ младость!
Ты звукомъ ангельскимъ пронесся надъ землей:

Но звука милаго плѣнительная сладость —
Теряясь въ дальнихъ небесахъ, —
Все отзывается, по памяти, въ сердцахъ....

П. Корсаковъ.

ИЗЪ В. ГЮГО.

Надежда каждая—цвѣтокъ, мой ангелъ нѣжный!
Самъ Богъ, дитя мое, всѣ наши дни хранитъ,
Онъ самъ ихъ держитъ нить и нить ихъ неизбѣжно
Здѣсь обрывается и радость въ прахъ летитъ.
Увы! таковъ законъ, что съ колыбелью смѣжно
Всегда здѣсь гробъ стоитъ.
Бывало, милый другъ, въ пылу очарованья,
Мнѣ даль грядущаго являла тму чудесъ:
Вездѣ мнѣ милъ цвѣтокъ въ тѣни благоуханья,
Вездѣ въ лучахъ горѣлъ лазурный сводъ небесъ.
Но призракъ этого безумнаго мечтанья
Давно, давно исчезъ.
О, если кто-нибудь съ тоской въ душѣ сокрытой,
Придетъ у ногъ твоихъ съ слезами отдохнуть,
Не спрашивай его о чемъ онѣ пролиты,
Пусть плачетъ онъ: отъ слезъ свободнѣй дышетъ грудь,—
За тѣмъ, что каждая слеза съ души убитой
Смываетъ что-нибудь.

Н. Грековъ.

ПРОБУДНАЯ ПѢСНЬ.

Проснись, пробудись, человѣкъ!
Посмотри на летящіе сроки,
На великіе людямъ уроки,
На растущіе, въ людяхъ, пороки,
На загадочный, чудный сей вѣкъ:
Проснись, пробудись, человѣкъ!

—

Посмотри на себя, на народы,
На событьями полные годы,
И на чинъ потрясенной природы;
На разгулы разнузданныхъ рѣкъ;
На сгарающій, тающій вѣкъ:
Проснись, пробудись, человѣкъ!..

—

Но ты заснулъ... Но ты кружимый,
Какимъ-то моремъ суеты,
Какимъ-то призракомъ манимый
Всё ловишь сны и сновъ мечты;
А пробужденье не далеко:
Уже суды наведены
И смотритъ, смотритъ, съ вышины,
Молнье-метательное *око*....
Отъ треска горъ, отъ шума рѣкъ,
Проснись, пробудись человѣкъ!

Ѳедоръ Глинка.

ДАНТЪ.

ИЗЪ АВГУСТА БАРБЬЕ.

О, старый Гиббелинъ! когда передо мной,
Случайно вижу я холодный образъ твой,
Ваятеля рукой изсѣченный искусно:
Какъ на сердцѣ моемъ и сладостно и грустно....
Поэтъ! — Въ твоихъ чертахъ замѣтенъ явный слѣдъ
Святаго генія и многолѣтнихъ бѣдъ!....
Подъ узкой шапочкой, скрывающей сѣдины —
Не горе-ль провело на лбу твоемъ морщины?
Скажи, не отъ того-ль ты губы крѣпко сжалъ —
Что граждапъ бичевать проклятьемъ ты усталъ?
А эта горькая въ устахъ твоихъ усмѣшка
Не надъ людьми-ли, Дантъ? Презрѣнье и насмѣшка
Тебѣ идутъ къ лицу. Ты родился, пѣвецъ,
Въ странѣ несчастливой. Терновый свой вѣнецъ
Еще на утрѣ дней, въ началѣ славной жизни,
На долю принялъ ты изъ рукъ своей отчизны.
Ты видѣлъ, какъ и мы, на отческихъ поляхъ
Людей погрязнувшихъ въ кровавыхъ мятежахъ;
Ты былъ свидѣтелемъ, какъ гибнули семейства
Игралищемъ судьбы и жертвами злодѣйства;
Ты съ ужасомъ взиралъ, какъ честный гражданинъ
На плахѣ погибалъ. Печальный рядъ картинъ,
Въ теченьи многихъ лѣтъ, вился передъ тобою.
Ты слышалъ, какъ народъ, увлекшися мечтою,
Кидалъ на вѣтеръ всё, что въ насъ святаго есть —
Любовь къ отечеству, свободу, вѣру, честь. —
О, Дантъ, кто жизнь твою умѣлъ прочесть какъ повѣсть,
Тотъ можетъ понимать твою святую горесть,
Тотъ можетъ разгадать и видѣть—отъ чего
Лице твое, пѣвецъ, безцвѣтно и мертво,
Зачѣмъ глаза твои исполнены презрѣньемъ?
За чѣмъ твои стихи, блистая вдохновеньемъ,

Богатые умомъ и чувствомъ и мечтой,
Таятъ во глубинѣ какой-то ядъ живой?
Художникъ! ты писалъ исторію отчизны;
Ты людямъ выставлялъ картину буйной жизни,
Съ такою силою и вѣрностью такой,
Что дѣти, встрѣтившись на улицѣ съ тобой,
Не смѣя на тебя поднять, бывало, взгляда,
Шептали: — это Дантъ, вернувшійся изъ ада!....

С. Д.

16 сентября.

С. Ф. Д.

Какъ рабъ зарывшій свой талантъ,
Скрываешь ты свой даръ чудесный,
Ты чувствомъ, мыслями богатъ,
Тебѣ знакомъ языкъ небесный.
Для друга разщедрись, скупецъ,
Прими мой вызовъ благородный,
Открой таинственный ларецъ,
Гдѣ скрытъ талантъ твой самородный.
Взгляни: не одного тебя
Лучъ солнца грѣетъ во вселенной
И ты рожденъ не для себя:
Ты жрецъ искусства вдохновенный.
О помни притчу, другъ-поэтъ!
Не будь рабомъ презрѣнной лѣни
И чуднымъ блескомъ вдохновенья
Ты освѣти печальный свѣтъ.

Н. Третьяковъ.

ЦЫГАНКѢ.

I.

Утомленъ давно я скукой праздной,
Проситъ жизни духъ тревожный мой, —
И въ степи сухой, однообразной
Полюбилъ я таборъ кочевой.

II.

Я люблю подъ сѣрою палаткой
Разговоръ лѣнивый и прямой;
На травѣ до утра спится сладко, —
Тихо блещутъ звѣзды надо мной.

III.

Ночь. Костры пылаютъ прихотливо;
Освѣтились рѣзкія черты —
Предо мной такъ долго молчаливо,
Для чего остановилась ты?...

IV.

Не гляди мнѣ въ очи такъ лукаво....
Знаю все о чемъ гадаешь ты....
Нестерпимъ твой взоръ, цыганка, право,
Будитъ онъ все старыя мечты!...

V.

Нѣтъ, молчи; пророчества пустаго
Мнѣ смѣшонъ ребяческій языкъ —
Для меня грядущее не ново!
Ужъ давно я вѣровать отвыкъ....

VI.

О быломъ разсказывать напрасно, —
Этотъ вздоръ меня не веселитъ....
Много бурь и много дней прекрасныхъ
Глубоко и вѣчно въ сердцѣ спитъ....

VII.

И страстей былыхъ рѣчамъ мятежнымъ
Я внимаю молча; — такъ, порой,
Внемлетъ мать ребенка ласкамъ нѣжнымъ
И Богъ вѣсть о чемъ скорбитъ душой....

А. Пальмъ.

1844.

ЦВѢТОКЪ.

Въ зеленой дубравѣ, въ глуши, подъ травою,
На утрѣ явился цвѣтокъ;
Но къ вечеру былъ онъ притоптанъ грозою,
А къ новому утру поблекъ.
И жилъ онъ, и цвѣлъ онъ, и умеръ украдкой,
Никто на него не взглянулъ —
Скажите, зачѣмъ-же дышалъ онъ такъ сладко,
Зачѣмъ онъ въ глуши промелькнулъ?

С. Дуровъ.

НАПУТНОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Ты еще молодъ, — а, знаешь, дорогою трудной
Долго скитаться тебѣ; много, много
Встрѣтится горя, тревогъ и тоски безразсудной....
Будь непреклоненъ въ борьбѣ непощадной и строгой.

—

Видишь-ли, чорная туча по небу несется?
Путникъ, послушай, вѣдь завтра, иль нынѣ,
Чорная туча отраднымъ дождемъ разольется —
Легче вздохнешь ты подъ небомъ палящей пустыни....

А. Пальмъ.

1844.

ИЗЪ БАРБЬЕ.

Какъ больно видѣть повсюду свою горесть,
Читать всегда, читать одну и ту же повѣсть,
Глядѣть на небеса и видѣть тучи въ нихъ,
Морщины замѣчать на лицахъ молодыхъ.
Блаженъ, кому дано на часть другое чувство,
Кто съ лучшей стороны взираетъ на искусство!
Увы, я знаю самъ, что еслибъ на пути
Я музу свѣтлую случайно могъ найдти —
Дитя, въ шестнадцать лѣтъ, съ кудрями золотыми,
Съ очами влажными и ярко голубыми:
Тогда-бы, можетъ быть, дыханіе ее
Разсѣяло въ душѣ страданіе мое;
Тогда-бы я любилъ цвѣтущія долины,
Кудрявые лѣса, высокихъ горъ вершины;
Тогда-бы кажется, живая пѣснь моя,
Была свѣтла какъ день, игрива какъ струя.
Но каждому своя назначена дорога,
Различные дары пріемлемъ мы отъ Бога:
Одинъ несетъ цвѣты, другой несетъ ярмо,
На всякомъ существѣ лежитъ свое клеймо.
Покорность нашъ удѣлъ. Неволей, или волей,

Должны мы слѣдовать за тайной нашей долей,
Должны, склонясь въ прахъ, покорствовать во всемъ,
Чего преодолѣть не станетъ силъ ни въ комъ.
Отъ дѣтства мой удѣлъ былъ горекъ. Въ вихрѣ свѣта,
Я словно врачъ хожу по койкамъ лазарета;
Снимая съ раненыхъ покровы ихъ долой,
Чтобъ язвы гнойныя ощупывать рукой....

С. Д.

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

Нежданно настаетъ день горькій для поэта,
Когда онъ чувствуетъ, что опытность и лѣта,
Тяжелымъ бременемъ лежатъ уже на немъ. —
Проснувшись по утру, онъ думаетъ о томъ:
Гдѣ вы, весны моей мгновенья золотыя —
Васъ нѣтъ! Вы пронеслись какъ призраки ночные,
И я, какъ, невзначай, окраденный скупецъ,
Гляжу съ отчаяньемъ на жизненный ларецъ! —
И точно — онъ въ душѣ горюетъ по неволѣ,
Блѣднѣя каждый день какъ цвѣтъ осенній въ полѣ.—
Когда же видитъ онъ, что путь его, порой,
Нежданно окропленъ живительной струей,
Онъ, плача, говоритъ, припомнивъ дни былые:
— Нѣтъ, это не роса — а капли дождевыя! —
Отнынѣ, можетъ-быть, испытанный во всемъ,
Скорѣе истину постигнетъ онъ умомъ;
Проникнетъ въ глубину таинственнаго легче,
Обниметъ всё скорѣй, обдумаетъ всё крѣпче,
Разсудку подчинитъ свободую мечту —
Разгонитъ дымъ густой, разсѣетъ темноту:
Но въ немъ погибъ на вѣкъ тотъ огонь животворящей,
Который данъ ему былъ въ юности блестящей —

И тщетно-бъ онъ хотѣлъ въ созданія свои,
Богатыя умомъ и пламенемъ любви,
Излить ту легкую и дѣвственую сладость,
Которую даетъ созданьямъ — только младость!
И этого ему ничто не возвратитъ!...
Одинъ-ли, у себя, въ раздумьи, онъ сидитъ,
И полный сновъ живыхъ и сладкаго призванья,
Обдумываетъ планъ любимаго созданья;
Идетъ-ли, утомясь, бродить въ зеленый лѣсъ,
Захочешь-ли дышать прохладою небесъ, —
Иль увлекаемый во слѣдъ толпы свободной,
Безъ цѣли ходитъ онъ по площади народной —
Увы, во всемъ почти, всегда почти, вездѣ,
За книгою своей, въ прогулкѣ и трудѣ,
Невольно сердце въ немъ той мыслію томимо,
Что молодость его прошла невозвратимо!

С. Д.

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

Il n'avait pas vingt ans. Il avait abusé,

Онъ юношескихъ лѣтъ еще не пережилъ,
Но жизни нещадя, не размѣряя силъ,
Онъ насладился всѣмъ, не во время, чрезъ мѣру,
И рано, наконецъ, вовсе утратилъ вѣру.
Бывало, если онъ по улицѣ идетъ,
На тѣнь его одну, выходитъ изъ воротъ
Станица буйная безнравственныхъ вакханокъ,
Чтобъ обольстить его нахальностью приманокъ—
И онъ на лонѣ ихъ, сокъ юности точа,
Ослабѣвалъ душой и таялъ какъ свѣча.
Его и день и ночь преслѣдовала скука:
Не рѣдко въ оперѣ Моцарта, или Глюка,

Онъ, оперши́сь рукой, безсмысленно зѣвалъ.
Онъ головы своей въ тотъ ключъ не погружалъ,
Откуда черпалъ намъ Шекспиръ живыя волны.
Всѣ радости ему казалися не полны:
Онъ жизни не умѣлъ раскрашивать мечтой.
Желаній не было въ груди его больной —
А умъ, насмѣшливый и несогрѣтый чувствомъ,
Смѣялся дерзости надъ доблестнымъ искусствомъ
И всё великое съ презрѣньемъ разрушалъ:
Онъ покупалъ любовь, а совѣсть продавалъ.
Природа — ясный сводъ, тѣнистые овраги,
Шумящіе лѣса, струи лазурной влаги —
И всё, что тѣшитъ насъ и радуетъ въ тиши,
Не трогало его бездѣйственной души.
Въ немъ сердца не было: любилъ онъ равнодушно:
Быть съ матерью вдвоемъ ему казалось скучно.
Не занятый ничемъ, испытанный во всемъ,
Заранѣ онъ скучалъ своимъ грядущимъ днемъ.
Вотъ — разъ, придя домой, больной и безпокойный,
Тревожимый въ душѣ своею грустью знойной,
Онъ сѣлъ облокотясь, съ раздумьемъ на челѣ,
Взялъ тихо пистолетъ, лежавшій на столѣ,
Коснулся до замка.... огонь блеснулъ изъ полки....
И черепъ какъ стекло разсыпался въ осколки.
О юноша, ты былъ ничтоженъ, глупъ и золъ,
Не жалко намъ тебя. Ты участь пріобрѣлъ
Достойную себя. Никто, никто на свѣтѣ,
Не вспомнитъ, не вздохнетъ о жалкомъ пустоцвѣтѣ.
Но если плачемъ мы, то жаль намъ мать твою,
У сердца своего вскормившую змѣю,
Которая тебя любила всею силой,
А ты за колыбель ей заплатилъ могилой.
Не жалко намъ тебя — о нѣтъ! но жаль намъ ту,
Какъ ангелъ чистую, бѣдняжку - сироту,
Къ которой ты пришелъ, сжигаемый развратомъ,
И соблазнилъ ее приманками и златомъ.
Она повѣрила. Склонясь къ твоей груди,
Ей снилось счастіе и радость впереди —

Но вотъ, теперь оно — увы! упало съ неба:
Безъ крова, безъ родства, нуждаясь въ крошкахъ хлѣба,
Съ отчаяньемъ глядя на пагубную связь —
Она — букетъ цвѣтовъ, съ окна столкнутыхъ въ грязь!
Нѣтъ, нѣтъ — не будемъ мы жалѣть о легкой тѣни:
Негодной цыфрою ты былъ для исчисленій;
Но жаль намъ твоего достойнаго отца,
Непобѣдимаго въ сраженіяхъ бойца.
Встревожа тѣнь его своей преступной тѣнью,
Ты имя славное его обрекъ презрѣнью.
Не жалко намъ тебя, но жаль твоихъ друзей,
Жаль стараго слугу, и жалко тѣхъ людей,
Чью участь злобный рокъ сковалъ съ твоей судьбою,
Кто долженъ былъ идти съ тобой одной стезею.
Жаль пса, лизавшаго слѣды преступныхъ ногъ,
Который за любовь любви найдти не могъ.
А ты, презрѣный червь, а ты, бѣднякъ богатый,
Довольствуйся своей заслуженною платой.
Слагая жизнь съ себя, ты думалъ, можетъ-быть,
Своею смертію кого-нибудь смутить —
Но нѣтъ! на пиршествѣ свѣтильникъ не потухнулъ,
Безъ всякаго слѣда ты камнемъ въ бездну рухнулъ.
Нашъ вѣкъ имѣетъ мысль—и онъ стремится къ ней,
Какъ къ цѣли истинной. Ты смертію своей
Не уничтожилъ чувствъ намъ свыше вдохновенныхъ,
Не совратилъ толпы съ путей опредѣленныхъ:
Ты палъ—и объ тебѣ не думаютъ теперь,
Безъ шума за тобой судьба закрыла дверь.
Ты палъ—но что нашелъ, свершивши преступленье?
Разпутный—ранній гробъ, а суетный—забвенье.
Конечно, эта смерть для общества чужда:
Онъ свѣту не принесъ ни пользы, ни вреда —
И мы безъ горести, безъ страха и волненья,
Глядимъ на падшаго, достойнаго паденья.
Но если, иногда, подумаешь о томъ,
Что жизнь слабѣетъ въ насъ замѣтно съ каждымъ днемъ,
Когда встрѣчаемъ мы, что юноша живой,
Какой-нибудь Роберъ, съ талантомъ и душой,

Едва посѣявшій великой жатвы сѣмя,
Слагаетъ жизнь съ себя какъ тягостное бремя;
Когда историкъ Раббъ, точа на раны ядъ,
Съ улыбкой навсегда смѣжаетъ тусклый взглядъ;
Когда ученый Гросъ, почти уже отжившій,
До корня общество и нравы изучившій,
Какъ лань, испуганный внезапнымъ лаемъ псовъ,
Кидается въ рѣку отъ зависти враговъ;
Когда тлетворный вихрь открытаго злодѣйства,
Отъемлетъ каждый день сочленовъ у семейства:
У сына мать его, у дочери отца,
У плачущихъ сестеръ ихъ брата-первенца;
Когда старикъ сѣдой, цѣнившій жизни сладость,
Насильной смертію свою позоритъ старость;
Когда мы, наконецъ, посмотримъ на дѣтей,
Созрѣвшихъ до поры за книгою своей,
Мечтавшихъ о любви, свободѣ и искусствахъ, —
И послѣ ошибясь въ своихъ завѣтныхъ чувствахъ,
И къ истинѣ нагой упавъ лицомъ къ лицу,
На смерть стремящихся какъ къ брачному вѣнцу, —
Тогда — невольно въ грудь сомнѣнье проникаетъ:
Смиренный — молится, а мудрый — размышляетъ:
Не слишкомъ скоро-ли впередъ шагнули мы?
Куда влечетъ насъ вѣкъ? къ чему ведутъ умы?
Какія движутъ насъ сокрытыя пружины?
Чѣмъ излечится намъ? И гдѣ всему причины? —
Быть-можетъ, что въ душѣ, безвременно, у насъ
Высокой истины святой огонь погасъ,
Что слишкомъ на себя надѣемся мы много,

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Не время-ль пожалѣть о тѣхъ счастливыхъ дняхъ,
Когда мы видѣли учителей въ отцахъ
И набожно несли свое ярмо земное,
Разкрывъ передъ собой Евангеліе святое!

*

Для ока смертнаго — таинственная тьма!
Неразрѣшимые вопросы для ума! —
Какъ часто, иногда, отъ нихъ, во время ночи,
Поэтъ не можетъ свесть задумчивыя очи,
И преданный мечтамъ и мыслямъ роковымъ,
Одинъ — блуждаетъ онъ по улицамъ пустымъ,
Встрѣчая, изрѣдка, кой-гдѣ, у переходовъ,
Вернувшихся домой, съ прогулки, пѣшеходовъ.

С. Д.

СЦЕНЫ

ИЗЪ

ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

В. Соколовскаго.

(*Продолженіе.*)

СЦЕНЫ

ИЗЪ

ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

В. СОКОЛОВСКАГО.

(продолженіе) (*).

АЛЬМА.

Дослушай же.... Вотъ эта мысль со мной
Сроднилася, и вотъ мнѣ ангелъ мой
Сперва въ тиши, какъ-будто бы украдкой,
Въ полголоса, въ намекахъ говорилъ,
Что я найду и въ сторонѣ могилъ
Ту дивную посланницу изъ рая;
А наконецъ, онъ внятно мнѣ сказалъ:
«О, какъ блаженъ душевный твой фіалъ!
«Какъ чудно въ немъ, небесностью сверкая,
«Заискрится живящая струя
«Святой любви Владыки бытія!
«И будетъ онъ, тотъ кубокъ благодатный,
«Проникнутъ весь надзвѣздности огнемъ,
«И вѣруй мнѣ, что скоро, скоро въ немъ
«Вскипитъ восторгъ, роскошно ароматный,
«И взвивъ тебя въ неисповѣдный рай,
«Разплещется и брызгнетъ черезъ край!»
Услыша вѣсть о тепломъ счастьи, Дода,
Я съ той поры, среди ночей и днемъ,
Все думаю и только что о немъ!

(*) Начало въ первомъ выпускѣ.

И съ тѣхъ же поръ вся дивная природа
Въ моихъ глазахъ богаче и милѣй,
За то, въ замѣнъ, все общество людей
Мнѣ стало вдругъ печальною пустыней,
Гдѣ нѣтъ ни водъ, ни тѣни, ни цвѣтовъ, —
А я хочу, чтобы моя любовь
Цвѣла весной и вѣяла святыней!
Да, я хочу, чтобъ свѣтлый мой женихъ
Былъ чуденъ весь въ достоинствахъ своихъ,
Чтобы онъ своей могучей красотою
Былъ какъ мечта возможной красоты,
Чтобъ всѣ его отрадныя черты
Сіяли бы державностью святою,
Незримою доселѣ на землѣ;
Чтобъ въ поступи, въ осанкѣ, на челѣ —
Все внятно бы и ясно говорило
О царственномъ величіи его;
Чтобы въ очахъ у друга моего
Какимъ-то днемъ упитано все было,
И чтобы въ нихъ видиѣла глубина
Какихъ-то безднъ безъ грани и безъ дна.
Да, я хочу, чтобъ всѣ красы природы
Отражены чудесно были въ немъ;
Чтобъ рѣчь его, струясь сперва ручьемъ,
Влекла потомъ, какъ увлекаютъ воды,
Но прямо вверхъ, по за далекій сводъ,
Въ страну отрадъ и жизни, и благотъ;
Чтобъ яркою звѣздой знаменовалась
Двухъ нашихъ душъ плѣнительная связь,
И чтобъ она, единожды родясь,
Не гаснула, а все бы разгаралась;
Чтобъ поцѣлуй привѣтливый царя
Былъ теплъ и чистъ, и пышенъ какъ заря;
Чтобъ я, вручась его святымъ объятьямъ,
Вскипѣла бы кипѣніемъ благимъ;
Чтобъ, кроткій, онъ привѣтенъ былъ къ другимъ,
Какъ мирный братъ къ единокровнымъ братьямъ,
Но чтобъ всегда и всѣхъ превосходилъ

Познаньемъ благъ и крѣпостію силъ,
И славою, и знатностію рода,
И пламенемъ струящимся въ крови,
И даромъ словъ, и нѣгою любви, —
Вотъ въ женихѣ чего хочу я, Дода!

Дода.

Я поняла, но на какомъ пути
Мечтаешь ты столь дивнаго найти?
Къ тому же здѣсь, въ пустынѣ Бофорона,
Гдѣ мы однѣ въ безвѣстности живемъ?...

Альма.

Гдѣ я найду?... Кто на небѣ своемъ,
Державствуя надъ славою Сіона,
Зоветъ въ нее за оный теплый сводъ;
Кто жажду далъ, тотъ ниспошлетъ и водъ!..
Но выслушай о тайнахъ сокровенныхъ,
Которыя свершилися со мной:
Съ тѣхъ поръ, когда Іерусалимъ родной,
Въ моихъ мечтахъ, высоко-вдохновенныхъ,
Унылою какой-то степью сталъ,
Гдѣ пылкій взоръ вотще того искалъ,
Кто могъ бы мнѣ на знойныя желанья
Дать пламенный, восторженный отвѣтъ, —
Тогда въ душѣ угаснулъ яркій свѣтъ
Веселыхъ дней, и мрачныя страданья
Въ меня лились во снѣ и на яву:
Мнѣ вдругъ сдалось, что будто я живу
Въ чужой странѣ, отъ родины далеко,
Окружена печалью сиротства,
Безъ дружества, безъ ближнихъ, безъ родства,
И всѣми тамъ забвенная глубоко,
Съ надеждой благъ надъ пропастію зла,
Гдѣ пылъ и боль, и бѣдствіе, и мгла!...
Но, Дода, другъ, кто только любитъ Бога,
И полонъ весь невинной простоты, —
Тому всегда изъ страшной тѣсноты
Къ отрадному простору есть дорога,

И выйдетъ онъ изъ грустной тьмы ночной,
Чтобъ видѣть свѣтъ... Такъ было и со мной!..
Взволнована кипучими мечтами,
И жгучею распалена алчбой,
Я предъ Творцомъ повергласся съ мольбой,
И вмѣсто словъ молилася слезами,
И внялъ онъ мнѣ, и вотъ, какъ пѣснь самбукъ,
Въ моей душѣ раздался сладкій звукъ:
«Укройся ты въ тиши уединенья,
«Ступай туда съ подругами скорѣй,
«И отъ Царя, властителя царей,
«Сойдутъ на васъ дожди благословенья!...

Дода (*въ порывѣ увлеченья*).

Сойдутъ на всѣхъ!.. Ахъ, Альма! поспѣши
Призвать сюда цѣлителя души:
И я горю, и я люблю кого-то....
Но гдѣ же онъ! гдѣ дивный твой женихъ?

Альма.

Вотъ точно такъ и въ помыслахъ моихъ
Вскипѣла вдругъ палящая охота
Итти впередъ по новому пути,
Искать и звать, и наконецъ найти!...
Я васъ къ себѣ тогда же всѣхъ созвала,
И, жаждою таинственной полна,
Влекла сюда, когда еще весна
Кропить на міръ съ высотъ не начинала
Ни теплоты, ни жизни благодать,
Но Дивный звалъ, и можно-ль было ждать?..
Вотъ вмѣстѣ мы укрылися отъ шума,
Вотъ созерцать я стала въ тишинѣ
Душевный бытъ, и вотъ какъ день во мнѣ
Затеплилась и уяснилась дума:
«Какъ ни была бъ избранница-душа
«Невинностью свѣжа и хороша,
«Но если въ ней, какъ парадисъ душистый,
«Къ избраннику любовь не зацвѣла, —
«То вся она какъ лѣто безъ тепла,

«Какъ безъ игры источникъ въ полѣ чистый;
«И въ обществѣ, гдѣ дышетъ суета,
«Она всегда, благая дѣва та,
«Хотя нѣсколько болѣетъ суетою;
«А потому, до первыхъ вешнихъ розъ,
«Мнѣ должно лить потоки жаркихъ слезъ,
«Чтобъ ихъ струей цѣлительно-святою,
«Сокровища душевныя омыть,
«И для любви верховной — чистой быть.
«Когда же въ насъ, отъ оной нѣги счастья,
«Какъ лилія желательно дыша,
«Въ красы небесъ нарядится душа,
«Тогда впередъ, смѣлѣй въ моря ненастья,
«Въ шумящій міръ изъ кроткой тишины
«Мы ринуться безтрепетно должны,
«И, не страшась ни бурь, ни обольщеній,
«По грознымъ тѣмъ, клубящимся морямъ,
«Державно плыть къ растворённымъ дверямъ
«Безмѣрнаго чертога восхищеній,
«Гдѣ царственный Создатель нашъ Іагъ
«Преполнилъ все роскошливостью благъ!..
«Да, мы должны съ наземною семьею
«Сродниться вновь и сблизиться опять,
«Чтобъ Творчаго въ твореніи обнять,
«И щедрою, широкою струей,
«Свою любовь и радости свои
«По всюду лить во славу Саддаи!
«А свѣтлый онъ, избранникъ нашъ отрадный,
«Онъ будетъ намъ, среди грозы и бѣдъ,
«Какъ сильный мечъ торжественныхъ побѣдъ,
«Какъ мѣдный шлемъ и какъ-бы щитъ громадный!
«И мы пойдемъ, и намъ веселый ходъ
«Заблещетъ весь какъ солнечный восходъ,
«И вся стезя до жизни безконечной,
«Проляжетъ намъ какъ бы гряда цвѣтовъ!»
Вотъ эта мысль съ видѣньемъ дивныхъ сновъ,
Яснѣла здѣсь, во глубинѣ сердечной,

И жаждая вступить на ту гряду,
Я плакала... Теперь я друга жду!..

Дода.

Такъ вотъ зачѣмъ ты слезы проливала!
Такъ вотъ о чемъ грустила, Альма, ты!
Твоя душа верховной чистоты,
Для чистыхъ благъ въ невинности желала.
Но для чего жъ ты не открылась мнѣ,
Чтобъ я могла съ тобою наравнѣ
Тонуть въ мечтахъ таинственно-чудесныхъ,
И помышлять о свѣтломъ другѣ томъ,
И слезы лить, и кротко ждать потомъ
Восторговъ тѣхъ и радостей небесныхъ,
И тѣхъ цвѣтовъ, и оныхъ водъ струи,
Какихъ ты ждешь на пажити свои, —
А то теперь я плакала, да мало,
Грустила я, да всё не такъ какъ ты,
И въ той любви къ эдему красоты,
Самой себѣ отчета не давала......

Альма (*прерывая*).

О, полно, другъ!... О вздохахъ и слезахъ
Отчеты всѣ ведутся въ небесахъ,
И вы въ тоскѣ омылись всѣ довольно....
Но слушай же.... Вотъ стала плакать я,
И вотъ во мнѣ избранница моя
Стѣснялася,—и было мнѣ такъ больно,
И я вотще желала какъ-нибудь
Охолодить пылающую грудь;
А тамъ что день, то всё слышнѣй съ востока
Дышала мнѣ, надъ жизненной зимой,
Весна любви,—и милый спутникъ мой,
Хотя еще я въ мірѣ одинока,
Хотя въ огнѣ младая жизнь моя,
Но отъ него въ истомѣ только я;
Я плачу, другъ, но я уже счастлива:
Я чувствую, что скоро онъ пріидетъ,
И хлынетъ ливнь, и дивно оживетъ

Моей души удобренная нива,
И въ той веснѣ, въ роскошной той веснѣ
Я стану цвѣсть,—и сладко будетъ мнѣ!
Да, кроткая! томительныя ночи
Была должна я въ грусти провести,
Бывало, вѣждъ не въ силахъ я свести,
Бывало, другъ, такъ и пылаютъ очи,
И пламеннымъ желаньемъ разжена,
Я вся была смущенія полна,
И слабая, въ избыткѣ той печали,
Болѣзненно безмолствовала я;
А предо мной, какъ волны бытія,
Минувшихъ лѣтъ потоки протекали;
Но углублясь въ ту смутную мечту,
Я зрѣла въ ней и скорбь и суету;
Тогда душой въ грядущее взирая,
Хотѣла я увидѣть мыслью въ ней,
Кого мнѣ ждать отрадой грустныхъ дней,
И чья душа, возвышенно-благая,
Меня пойметъ, полюбитъ и впередъ,
Какъ ангелъ мой, привѣтно поведетъ?...
И долго, другъ, вникала я напрасно,
Но наконецъ....

Дода *(въ порывѣ любопытства).*

Что-жъ, Альма, наконецъ?..

Альма.

. . . .

Женихъ, торжественно прекрасный,
Сегодня въ ночь, въ непостижимомъ снѣ,
Слеталъ въ тиши таинственно ко мнѣ!

Дода *(вся полная пламеннаго участія).*

Онъ былъ съ тобой!

Альма.

Онъ былъ со мною, Дода!
И вотъ какъ былъ.... Вчера, сверша мольбы
И Крѣпкому вруча свои судьбы,

Успула я подъ шумъ водопровода,
Который здѣсь такъ хорошо журчитъ....
Вотъ слышу я—мнѣ кто-то говоритъ:
«Встань, Альма, встань!» Я зорко осмотрѣлась:
Нѣтъ никого!... Я будто вновь легла,
А надо мной развѣялася мгла
И вышина разсвѣтомъ затеплилась,
И вся въ зарю одѣлася она....
И вотъ съ небесъ какая-то жена,
Но дивная, но съ кроткими очами,
Идетъ ко мнѣ и смотритъ на меня,
А въ кругъ нея державный факелъ дня,
Разбрызнулся въ безбрежности лучами,
И вижу я, что изъ его огней
Соткалися покровы всѣ на ней,
И что внизу, подъ легкими стопами,
Блеститъ сребромъ двурогая луна,
А съ высоты глава осѣнена
Двѣнадцатью нетлѣнными звѣздами,
И свѣтъ отъ нихъ сливается кольцомъ,
. . . .
Ахъ, Дода, другъ! какъ пышно пронеслася
Та свѣтлая по ясной вышинѣ,
Какъ ласково приблизилась ко мнѣ,
И мысль ея рѣчами развилася,
И рѣчи тѣ, чудеснаго полны,
Текли струей сверкающей волны!
«Испытана ты, дѣва молодая,
«Какъ золото въ горнилѣ огневомъ,
«И ты чиста, и твой душевной домъ
«Пріятенъ мнѣ какъ скинія святая;
«Достоинъ онъ, чтобы незримо тамъ
«Курился мой духовной ѳиміамъ,
«Чтобъ нѣга въ немъ какъ въ небѣ обитала,
«И чтобъ любовь какъ лилія цвѣла!...
«Да, для тебя, за свѣтлыя дѣла,
«Пора отрадъ плѣнительныхъ настала...
. . . .

. . . .

(Въ сладостномъ умиленіи).

Нѣтъ, Дода, другъ!... властитель цабаовъ
Мнѣ много далъ, но онъ мнѣ не далъ словъ,
Которыми, хоть слабо, хоть безцвѣтно,
Я для тебя изобразить могла,
Какъ та любовь заманчива, мила
И какъ его видѣніе привѣтно,
И какъ собой, державное, оно
Роскошливо и пышно, и цвѣтно,—
И самою кипучею мечтою
Ты не поймешь и не представишь ты,
Какъ сладостно въ привольи чистоты,
Дивясь его богатой красотою,
Къ нему прильнуть и вмѣстѣ съ нимъ умѣть —
И трепетать, и таять, и горѣть!...
Обнявъ его, я быстро оживала,
Душа его росла, какъ солнце умъ свѣтлѣлъ;
Но на землѣ блаженству есть предѣлъ....
И мирно мнѣ чудесная сказала:

. . . .
. . . .
. . . .

Произнесла и скрылась въ лонѣ благъ,
Волшебнаго съ собою восторгая,
И долго, другъ, надъ путницей земли
Все вѣяло надзвѣздностью сдали!...
Вотъ, свѣтлая и радостная Дода,
Что въ эти дни свершилася со мной!
Уже мнѣ есть и спутникъ, и родной,
Но скоро-ль я дождусь его прихода
И скоро-ли отрадно на-яву
Я жизнію нездѣшней заживу?...
(Въ эту самую минуту неожиданно раздается громкая пѣсня подругъ Альмы, подъ звонкую игру самбукъ; Альма и Дода прислушиваются).

ЯВЛЕНІЕ II.

Альма и всѣ ея подруги.

Хоровая пѣсня подругъ, еще невидимыхъ.
(Тонъ плавный и торжественный.)

I.

Кто жаждетъ со мною, съ владыкой желаннымъ,
Подъ ночью земною, подъ мракомъ туманнымъ,
Сливаться для счастья въ благія лобзанья,
Тотъ съ пыломъ участья и силой желанья,
Пускай поспѣшитъ изъ наземнова плѣна—
Стремиться за мною къ богатствамъ эдема!
(Громкіе аккорды и переходъ тона въ игривые звуки.)

Среди ночи и дня
Вы ищите меня,
И обрящете вы;
Васъ любовь уяснитъ,
И какъ днемъ осѣнитъ
Вамъ собою главы.

II.

Ищите же, братья, всевѣчнаго слова,
Чтобъ вамъ бы объятья развергъ Іегова,
Чтобъ слезы печали смѣнялъ онъ на радость,
Чтобъ сердцемъ вы знали небесную сладость
И всюду отрадно сбирать бы могли вы
Колосья восторговъ съ властительской нивы!

Много благъ накопилъ
Я тому, кто любилъ
Въ этомъ мірѣ меня:
Такъ ищите скорѣй
Вы владыку царей,
Среди ночи и дня

III.

Плѣнительно лоно и пажить благая
Святаго Сіона и Божьяго края:
Туда-то введу я искателей слова,
И дружно цѣлуя предъ трономъ Благова,

Я всѣхъ напитаю пшеницей Іага
И всѣхъ напою я потоками блага.

(Подруги, выходя изъ-за деревьевъ на мураву цвѣтника, продолжаютъ пѣть, составляя рѣзвый танецъ).

И таинственно вамъ
Будутъ радости тамъ
Упоеннымъ новы;
Такъ ищите-жъ меня
Среди ночи и дня
И обрящете вы.

Альма (*съ пылкимъ любопытствомъ*).

О милыя, откуда пѣсня эта!
О ней одной скажите вы сперва!...
Ктò говорилъ тѣ дивныя слова,
Столь полныя возвышеннаго свѣта.
. . . .
. . . .
. . . .

Альма (*указывая на Доду*).

Мы здѣсь однѣ, родная Туссіага,
Тонули съ ней въ заманчивыхъ мечтахъ,
И какъ намъ знать о новыхъ благотахъ
Великаго всевидящаго Бога? (*въ порывѣ любопытства*)
Но передай о сладкой пѣсни той,
Въ которой все, плѣняя красотой,
Таитъ въ себѣ священнаго такъ много....
Я чувствую и вижу, что она
Великаго ученія полна,
И что ее впервые изливали
Небесные и чистые уста....

Туссіага.

Ты права, другъ; священна пѣсня та,
Она нектаръ отъ грусти и печали,
Она какъ свѣтъ спасительна для насъ,
И вотъ о ней таинственный разсказъ....

Дода (*въ увлеченіи простодушія*).

Таинственный....

Туссіага.

Да!... Слушайте съ вниманьемъ!...
Сегодня я, веселыхъ сновъ полна,
Проснулася едва лишь вышина
Продернулась плѣнительнымъ сіяньемъ
И облеклась въ живящее тепло;
Вокругъ меня все было такъ свѣтло,
Весь этотъ садъ дышалъ такъ ароматно,
Такъ весело клубился вдаль потокъ,
И утренній весенній вѣтерокъ
Меня живилъ и обвивалъ пріятно:
Я, въ нѣгѣ чувствъ и помысловъ души,
Молилася Предвѣчному въ тиши,
И въ оный мигъ мнѣ благодатно мнилось,
Что кроткое моленіе мое,
Сквозь глубь небесъ, въ другое бытіе
Куреніемъ алтарнымъ возносилось;
Вотъ кончила и мирно встала я,
Вся обновясь отъ свѣжаго питья
Моей простой, но искренней молитвы;

(*указывая на подругъ*)

И вотъ онѣ игривою толпой
Пришли ко мнѣ, чтобъ звать меня съ собой,
Для утренней за ланями ловитвы...
Узнавъ о васъ, что вы въ глубокомъ снѣ,
Рѣшились мы охотиться однѣ:
Мы вышли здѣсь на ближнюю поляну,
Намъ подвели египетскихъ коней,
Мы дали знакъ, и посреди полей,
По зыбкому, росистому туману,
Отгрянулъ звукъ серебряныхъ шофаръ, —
И мы стрѣлой, и будто легкій паръ,
За нами пыль стремительно вставала —
То вдругъ волной, то вьющимся столбомъ;
И дѣтски такъ, въ раздольи полевомъ,

Душа у насъ въ то время ликовала,
И весело, отрадно былъ намъ
Летать какъ вихрь по скатамъ и холмамъ;
Предавшися забавѣ безотчетно,
И всѣ рѣзвясь какъ птички въ небесахъ,
Забыли мы о ланяхъ и лѣсахъ,
И при зарѣ скакали такъ охотно,
Что, не видавъ какъ сдѣланъ длинный путь,
Мы съ быстротой примчались отдохнуть
Къ шумящему Кедронскому потоку,
И отдали рабамъ своихъ коней....
Ужъ день вставалъ, и златометъ огней
Горѣлъ, вставалъ и лился по востоку,
И все сильнѣй въ порывѣ силъ своихъ
Онъ закипалъ, доколѣ, какъ женихъ,
Изъ брачнаго роскошнаго чертога
Свѣтило дня не вышло изъ-за горъ,
И первый свой свѣтлѣющійся взоръ
Не бросило на домъ живаго Бога,

. . . .

И тотъ привѣтъ былъ дружно принятъ имъ,
И Божій храмъ отвѣтомъ былъ свѣтилу:
Казалось, что тѣ лучи любя,
Онъ ихъ сперва какъ бы впиталъ въ себя,
И тамъ придавъ имъ новый блескъ и силу,
Послалъ въ возвратъ лобзанья изъ огней,
Отбрызнувъ ихъ отъ злата и камней,
И мраморовъ паросскихъ драгоцѣнныхъ ..,
Сей свѣтлый восхитилъ намъ сердца,
И предъ святой обителью Творца,
Въ моленіяхъ чудесно вдохновенныхъ,
Въ рѣчахъ любви доступныхъ высотѣ,
Мы излились какъ дѣти въ простотѣ;
Потомъ мы всѣ по берегамъ Кедрона
Пошли сбирать желанные цвѣты,
И видимъ мы, что кто-то, сквозь кусты,
Къ прохладѣ водъ спѣшилъ изъ Элеона,
Все ближе къ намъ, — и вотъ явился онъ...

То былъ старикъ, — лѣтами убѣленъ,
Но живостью и силами цвѣтущій;
Онъ быстро шелъ съ гасуромъ за плечьми,
И чудными привѣтилъ насъ рѣчьми....
«Да осѣнитъ собою Всемогущій
«Смиреннымъ васъ, какъ избранныхъ дѣтей,
«Да сбережетъ отъ казней и сѣтей,
«Разставленныхъ паденіемъ Адама,

. . . .

«Я зрѣлъ, какъ вы, въ невинности простой,
«Молилися, смотря на домъ пустой;
«Но не туда молилися вы, дѣти:
«Ужъ то̀ не храмъ, тамъ нѣтъ Адоніи,
«Тамъ только трупъ раздавленной змѣи,
«Да старыя изорванныя сѣти;
«А вы впередъ молитесь на востокъ,
«Откуда къ намъ изящества потокъ
«Низринулся божественностью слова,
«Чтобъ затопить страданья, грѣхъ и зло;
«Ужъ ветхое, какъ смрадный чадъ, прошло;
«Земля нова, и небо нынѣ ново,
«И новыя мы пѣсни запоемъ,

Альма

О, какъ мнѣ жаль, что я для этой встѣчи
На берегахъ кедронскихъ не была!...
Какой старикъ! онъ знаетъ всѣ дѣла
И говоритъ возвышенныя рѣчи,
И святостью такъ слышимо согрѣтъ!...
Но кто-жъ онъ былъ?

Тусіага.

Онъ, Альма, былъ поэтъ!...
«Садитесь здѣсь, подъ этими кустами, —
Сказалъ онъ намъ, — «вы избраны судьбой,» —
И свой гасуръ поставя предъ собой,

Онъ сталъ на немъ привычными перстами
Перебѣгать по трепетнымъ струнамъ,
И хорошо, и сладко было намъ
Внимать ему, какъ пѣлъ онъ пѣсню эту,
И какъ ее онъ повторялъ потомъ;
И намъ сдалось, что мы при старцѣ томъ
Стремительно приблизилися къ свѣту,
И что въ сердца на радость бытія
Бѣжитъ любви кипучая струя...
Вотъ кончилъ онъ—и мы къ нему съ моленьемъ,
Чтобъ онъ сказалъ, откуда пѣсня та...
«Для новыхъ словъ есть новые уста,
«И скоро вы съ душевнымъ умиленьемъ
«Узнаете очарованья свѣтъ.»
Такъ произнесъ маститый намъ въ отвѣтъ,
И вдругъ потомъ, восторгомъ пламенѣя,
Какъ лоно водъ румянцемъ при зарѣ,
Сталъ сказывать сказанья....

. . . .
. . . .
. . . .

Альма (*заботливо*).

Но хорошо ль ты помнишь, Туссіага?

Туссіага.

Я помню-ли?... Ее мнѣ врѣзалъ Богъ
Въ моемъ умѣ, какъ сладостный залогъ
Пшеницы той и тѣхъ потоковъ блага,
Которые, быть-можетъ, близки къ намъ...

. . . .
. . . .
. . . .

В. Соколовскій.

НАДПИСЬ

КЪ РИСУНКУ К. С. А. Г-НОЙ.

Заквичалася дивчина; стала край викна;
Давъ Богъ празникъ. Людямъ празникъ, а вона одна
Изъ маленькимъ братомъ Йвасемъ, прибрана, въ квиткахъ,
Дивиться, моя небога, на широкій шляхъ.
Батько вмеръ давно у неи, матери нема,
Тилки въ хати братъ маленькій, да вона сама,
Бильшъ ни племени, ни роду—все чужи кругомъ!
Тильки не объ тимъ сумуе дивка пидъ викномъ:
Тута, край викна, прощався, цилувався *винъ*,
Чернобрывый козаченько, якъ ихавъ на Динъ,
Обищався вернутися—вже пивъ року ѐ,
Якъ сумуе дивчинонька, серденько мое!...
«Де мій милый? що винъ робить? де винъ заборивсь?
«Може зъ иншою якою уже одруживсь»!...
Дума дивка; серцю важко, слезы на очахъ.
И пустый простягсь далеко передъ нею шляхъ....

Е. Гребенка.

НАДПИСЬ

КЪ РИСУНКУ К. С. А. Г—НОЙ.

Заквичалася дивчина; стала край викна;
Давъ Богъ празникъ. Людямъ празникъ, а вона одна
Изъ маленькимъ братомъ Ивасемъ, прибрана, въ квиткахъ,
Дивиться, моя небога, на широкій шляхъ.
Батько вмеръ давно у неи, матери нема,
Тилки въ хати братъ маленькій, да вона сама,
Бильшъ ни племени, ни роду—все чужи кругомъ!
Тильки не объ тимъ сумуе дивка пидъ викномъ:
Тута, край викна, прощався, циловався *винъ*,
Чернобрывый козаченько, якъ ихавъ на Динъ,
Обищався вернутися—вже пивъ року ё,
Якъ сумуе дивчинонька, серденько мое!...
«Де мій милый? що винъ робить? де винъ забаривсь?
«Може зъ иншою якою уже одруживсь»!...
Дума дивка; серцю важко, слезы на очахъ.
И пустый простягсь далеко передъ нею шляхъ....

Е. Гребенка.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

ГРЕЧЕСКІЯ МЕЛОДІИ.

(*Харьковъ*. 1843.)

Мирологъ (*).

I.

Тѣ-жъ соловьи и тотъ-же садъ:
Съ деревъ несется ароматъ,
Мастика каплетъ и мелисъ (**)
Зазеленѣлъ, и разрослись
Моей заботою цвѣты;
И пальмъ широкіе листы
Прохладой сладкою манятъ,
Храня невидимыхъ дріадъ (***)
Отъ зноя жаркою весной.
Фонтанъ съ студеною водой
Въ лучахъ, какъ радуга горитъ,
Спадая звучно на гранитъ.
Все то-же небо, та-жъ весна,
Чудесной юности полна,
Все тѣ-же думы у людей,
Лишъ новая въ душѣ моей,
Отнынѣ вѣчная печаль....
И плакать хочется, и жаль
Тревожить воплемъ, въ мирный день,
Мою возлюбленную тѣнь!

II.

Другъ, скажи, въ какой далекій,
Мнѣ невѣдомый предѣлъ,
Безъ подруги, одинокій,
Отъ меня ты улетѣлъ?

(*) *Мирологъ* — печальныя импровизаціи женщинъ надъ гробомъ умершаго, въ родѣ *epicedium* древнихъ. Мирологи встрѣчаются и у древнихъ поэтовъ.

(**) *Мелисъ* — пахучая трава.

(***) Въ простонародьѣ у Грековъ еще не истребились нѣкоторыя языческія повѣрья древнихъ.

Такъ-же любятъ надъ звѣздами,
Какъ тебя любила я,
Съ тѣми-жъ пылкими мечтами,
Тою-жъ страстiю горя?

Небо свѣтлое высоко;
Тѣло къ праху насъ влечетъ....
О, далёко я, далёко
Устремила-бъ свой полетъ!

Путь бы твой остановила
И на землю увлекла,
Чтобы алчная могила
Насъ обоихъ погребла....

III.

Я буду плакать про себя,
И на холоднаго тебя
Польются пламенныя слёзы,
Какъ на листки увядшей розы
Напрасно падаетъ роса....
Но теплая моя слеза,
Въ холодномъ сумракѣ могилы,
Не возмутитъ тебя, мой милый!
Доску надгробную твою
Плющемъ зеленымъ обовью (*),
Разсыплю пурпуръ я и злато,
На ней зажгу я ароматы;
Вѣнками розы молодой
Я кипарисъ украшу твой....
Съ себя сорву я украшенье:
И буду вся — печаль, моленье....
И проведу я ключь воды
Къ твоимъ стопамъ, чтобъ утромъ ты
Смывалъ въ струяхъ прохладно-чистыхъ,

(*) Современные намъ Греки, подобно древнимъ, обвиваютъ плющемъ надгробные камни.

Могильный прахъ съ кудрей волнистыхъ.... (*)
А я, какъ сторожъ гробовой,
Какъ памятникъ передъ тобой,
Я буду, преклонивъ колѣни,
Ждать появленья милой тѣни.

КЛЕФТЪ И ДЕВУШКА.

Кто̀ стоитъ у водъ ручья
Въ джакѣ (**) голубой!...
Ты моя, или ни чья,
Я клянусь тобой....
А за тѣмъ, что всѣмъ мила ,
Что ты всѣхъ милѣй :
Для меня ты разцвѣла ,
Будешь ты моей!

МОРЯКЪ.

(Посвящ. М. Е. Капараки.)

Не слышно на палубахъ пѣсенъ ,
Эгейскія волны шумятъ....
Намъ берегъ и душенъ, и тѣсенъ ;
Суровые стражи не спятъ.

—

(*) Они думаютъ, что тѣни умершихъ, до извѣстнаго времени, витаютъ у гробовъ.

(**) *Джака* — куртка.

Раскинулось небо широко ,
Теряются волны въ дали....
Отсюда уйдемъ мы далёко ,
По-дальше отъ грѣшной земли !

—

Не правда-ль, ты много страдала! —
Минуту свиданья лови....
Ты долго меня ожидала ,
Приплылъ я на голосъ любви.

—

Спаливъ бригантину Султана ,
Я въ морѣ враговъ утопилъ ,
И къ милой съ турецкою раной ,
Какъ съ лучшимъ подаркомъ, приплылъ.

РАЗЛУКА.

=

—«Славнымъ виномъ, на прощанье ,
Кипрскимъ виномъ напою....
Выпей за наше свиданье ,
Выпей за удаль свою !
Кубокъ возмешь на дорогу ,
Будешь меня вспоминать ;
Стану молиться я Богу ,
Стану тебя ожидать.....»
— Старыя пѣсни люблю я,
Старую пѣсню запой !

Голосъ ихъ — звукъ поцалуя,
Рѣчи ихъ льются рѣкой.....
Хочется пѣсней разлуки
Тяжесть души облегчить,
Звуками плакать и въ звуки
Горечь любви перелить!....
Пой, ужъ пора намъ проститься: —
Рогъ капетана звучитъ.....
— «Страшно мнѣ въ пѣснѣ излиться:
Съ пѣсней душа улетитъ!......»

Айлуда (*).

Есть домикъ, за этой горою,
Съ разрушенной кровлей, безъ оконъ,
Но нашихъ красавцевъ собою
Прельстилъ и завлёкъ онъ....

А въ домикѣ, будто ошибкой,
Сіяніе утра и ночи:
Оттуда алѣетъ улыбка
И искрятся очи...

Сералей, палатъ-ли высокихъ
Ты хочешь, Айлуда степная,
Алмазовъ-ли, странъ-ли далёкихъ?...
Иль ада, иль рая?...

Ты видишь, я статенъ и молодъ:
Люби меня адской душою....
Земля мнѣ навѣяла холодъ
Съ тяжолой тоскою.

(*) *Айлуда* (αὔλούδα) собственно значитъ *безплотная*. — Айлуды — существа въ родѣ дріадъ, или русалокъ, обитающія по повѣрью Грековъ, въ разныхъ дикихъ мѣстахъ, у горъ, рѣкъ и ущельевъ.

Лобзай меня, демонъ прекрасный!..
Какъ нектаръ твой ядъ поцалуя, —
И въ нѣгѣ томительно-страстной,
Такъ сладко умру я....

Любовь арматола.

Жду, сокрытый межъ деревъ,
Слыша утромъ за рѣкой
Мелодическій напѣвъ,
Мнѣ знакомый и родной.
Легкая какъ призракъ сна,
Къ берегамъ спѣшитъ она —
Въ воду ножку опуститъ,
Очи влагой освѣжитъ.
Для нея Алфей, старикъ,
Вѣковѣчный свой родникъ
Сберегая въ лѣтній зной,
Плещетъ свѣжею волной.
Для нея онъ берегâ
Олеандромъ разцвѣтилъ,
Для душистаго вѣнка
Ей мерсини (*) возрастилъ.....
Что-жъ сберегъ я для нея? —
Сердце полное огня,
Слезы чувства на очахъ,
Грудь желѣзную въ бояхъ.
За горами слышенъ бой:
Я возьму ее съ собой,
Тамъ въ любви признаюсь ей
Подъ ударами мечей...

(*) *Мерсини* — красивая душистая трава.

Телонія (*).

Дыша прохладой на потокъ,
Дремалъ душистый вѣтерокъ,
И олеандръ, въ густые своды
Сокрывъ трепещущія воды,
Цвѣты румяные ронялъ
На переливистый кристаллъ.
Рѣзвилась ласточка порою
Надъ тиховодною рѣкою,
И грудью бѣлой своей
Касалась голубыхъ зыбей....
А воздухъ, воздухъ благодатный! —
Струею сладко-ароматной,
Онъ хочетъ страсть свою вдохнуть
Въ мою истерзанную грудь.
Когда восторженные звуки
Несутся стройно въ вышинѣ,
Я слышу въ нихъ печаль разлуки,
Тоску по горней сторонѣ....
Но отчего была печали
Душа усталая полна,
Когда тѣ звуки пролетали?...
Я знала, въ нихъ неслась она,
Душа малютки безъ названья,
Перелетѣвшей въ міръ страданья
Непогруженною въ купель,
Христовой жизни колыбель....
    Ко мнѣ, ко мнѣ, родные звуки!
Навѣйте вновь на сердце муки:
Въ васъ жаждетъ горестная мать
Младенца милаго обнять!
    Несётся изъ владѣній ада,

(*) *Телонія* — душа неокрещеннаго младенца. Сказка этого повѣрья, почти то же, что малороссіянъ о *мавкахъ*.

Изъ міра смерти и грѣховъ,
Въ толпѣ невидимыхъ духовъ,
Мое дитя, моя отрада....
Ко мнѣ, дитя, лети ко мнѣ! —
Но звукъ печальный пролетаетъ,
И въ безотвѣтной вышинѣ
Далекимъ эхомъ замираетъ....
Въ тотъ часъ на сердцѣ пустота,
Въ душѣ какой-то холодъ вѣетъ,
Слеза подъ сердцемъ заперта,
И чувство теплое нѣмѣетъ....
Но вдругъ, нежданно пролетитъ
Знакомый звукъ, и прозвучитъ
Печалью знаемой когда-то,
Разбудитъ старыя мечты, —
И въ сердцѣ нѣтъ ужъ пустоты:
Оно печалію богато....

СЧАСТЛИВЫЙ ОБМАНЪ.

— «Виноватъ, признаюсь, Зоя,
Оботри платочкомъ слезы....
У вершины Ахелоя,
На горѣ пасутся козы.» —
— Правда-ль это?.... Но далеко
Надо мнѣ идти на гору.
Мать осталась одинока;
И боюсь я въ эту пору....
Ночью, тамъ блуждаютъ духи,
Ходитъ волкъ, чекалка рыщетъ, —
Да и жаль моей старухи,
Что̀ меня напрасно ищетъ. —
— «Виноватъ, прости мнѣ, Зоя!...

Стадо выгналъ я на гору,
Чтобъ къ вершинѣ Ахелоя
Намъ идти въ ночную пору.» —
— Еслибы не ты, Маноли....
Мой остеръ кинжалъ широкій,
Но во мнѣ нѣтъ столько воли,
Чтобъ убить тебя, жестокій! —
— «Лейтесь, воды Ахелоя!...
На ланитахъ рдѣютъ розы....
Ты въ любви призналась, Зоя! —
Обманулъ я, — дома козы....» —

ПОСПѢШАЙ.

На раздольѣ небесъ свѣтитъ ярко луна
И листки серебрятся оливъ.
Дикой воли полна,
Заходила волна,
Жемчугомъ убирая заливъ.

Эта чудная ночь и темна, и свѣтла,
И огонь разливаетъ въ крови....
Я мастику зажгла,
Я цвѣтовъ нарвала: —
Поспѣшай на свиданье любви!

Эта ночь пролетитъ, и замолкнетъ волна
При сіяньи безстрастнаго дня; —
И заботой полна,
Буду я холодна:
Ты тогда не узнаешь меня!

УМИРАЮЩІЙ МАТРОСЪ.

— Много-ль морей облетала ты, бѣлая лебедь,
Много-ль корветъ и фелукъ ты видала на морѣ? —
— «Чорный корабль я видала подъ флагомъ багровымъ (*).
Сталъ онъ на якорь отъ нашего берега близко.
Старый сѣдой капитанъ, напѣвая молитвы,
Плакалъ и плакали съ нимъ молодые матросы,
Стоя вокругъ паликара какъ ты молодаго.
Прелестью глазъ и кудрей прихотливой волною
Схожъ паликаръ на тебя, свѣтлоокая дѣва.
Руки скрестивъ на груди, и на грудь головою
Тихо склонившись, сказалъ капетану сѣдому,
Юнымъ матросамъ сказалъ онъ послѣднее слово:
— «Прожилъ на морѣ я лучшіе юные годы,
Взросъ и родился на морѣ. Пѣвучія волны
Сонъ навѣвали, колыша мою колыбельку.
Много изведалъ я чорнаго горя на морѣ;
Много извѣдалъ на морѣ я радостей свѣтлыхъ.
Мирное зрѣлище синяго моря и неба,
Чудно-облитое свѣтомъ пурпурнаго утра,
Богу меня научило молиться и плакать....
Первой, послѣдней любовью любилъ я на морѣ,
Встрѣтивъ на немъ-же прекрасную, добрую Зою.
Дружбу, — вы знаете сами, — узналъ я межъ вами.
Богъ посѣтилъ меня раннею смертью на морѣ: —
Мирно, друзья, умираю, но грустно разстаться
Съ моремъ и съ вами, и съ бѣдною Зоей-сироткой....
Выройте, братья, могилу у берега моря,
Камнемъ прибрежнымъ мою вы покройте могилу;
Здѣсь я услышу порою матросскую пѣсню,
Сердцу знакомое *Эія-леза*! (**) услышу.

(*) Признакъ пиратскаго судна.

(**) Восклицаніе матросовъ при подыманіи тяжестей, якорей, канатовъ и проч.

Будутъ бесѣдовать шумныя волны со мною,
Тусклыя очи, нѣмыя уста освѣжая,
Вѣсточку мнѣ принесутъ о друзьяхъ и знакомыхъ:
Станетъ теплѣе холодному сердцу въ могилѣ.
Плакать придетъ на могилу печальная Зоя:
Волны подѣлятся съ милой Зоей печалью;
Легче на сердцѣ ей станетъ и я успокоюсь.... —
Что̀ ты дрожишь и блѣднѣешь, красавица-Зоя,
Смотришь безумно и рвешь дорогія одежды....
Бѣдная Зоя, несчастная Зоя!»

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПѢСНЬ ПАЛИКАРОВЪ.

Бросимъ въ землю сѣмя жизни:
Наше сѣмя возрастётъ,
И ликующей отчизнѣ
Плодъ нетлѣнный принесётъ.
Что̀ завиднѣй нашей доли:
Мы угасли не въ цѣпяхъ!...
Жизнь темна въ земной юдоли,
Жизнь ясна на небесахъ....

ПОСИДОНУ ЛАМБРИНАКИ.

Корабль готовъ; шумятъ вѣтрила;
Распущенъ флагъ земли родной....
Ты ѣдешь, братъ, и что̀ мнѣ мило
Увозишь ты на-вѣкъ съ собой!
Что̀ ждетъ тебя подъ небесами

Родимой Греціи твоей?
Ея любуясь красотами,
О бѣдной участи моей
Ты вспомни, братъ, и пожалѣй....
Прошу тебя пришли съ дороги
Мнѣ горсть земли, земли родной:
Въ часы душевныя тревоги
Я окроплю ее слезой.
Взгляни на гробъ Агамемнона
Въ его пустынной наготѣ.
И у колонны Парѳенона
Пропой ты пѣсню красотѣ.
Къ моимъ друзьямъ зайди въ Востицу,
Скажи, что ихъ цалую я,
Но, братъ, — кукону Фотиницу
Ужъ не цалуй ты за меня!...

Н. Щербина.

Харьковъ. 1843.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

Рис. Кн. С. А. Голицына

Лит. Поля.

МАРУСЯ.

«Я знаю, Марусе, дивочу натуру,
— Такъ хотя стара казала дочци. —
«И я дивчиною, була молодою, —
«Тогда парубки все булы молодци[1])
«На грищи спивала, на досвиткахъ пряла,
«На улици часомъ до свита гуляла...,
«А бувало, стане скушно,
«Серце ные та болить,
«Въ грудяхъ важко; плачешь, плачешь....
«Божій свитъ не веселить! ..
«У садку пташки щебечутъ,
«По степу цвитуть квитки;
«Якъ послухаешь, якъ глянешь,
«Плачешь Бо-зна одъ чого!...
«И знати не знала чого я бажала!
«И все було, доцю, я такъ сумовала;
«Поки твій отецъ мене кохати нестаъ,
«Поки зъ моимъ любимъ насъ пипъ не звинчавъ....
«Кинь лихомъ объ землю, та будь веселенька!
— И думае дочка, схилившись до неньки: —
«Чомъ досы мене ще нихто не кохавъ?

Е. Гребенк

МАРУСЯ.

═

«Я знаю, Марусе, дивочу натуру,
— Такъ мати старая казала дочци —
«И я дивовала, була молодою, —
(Тогди парубки все булы молодци!)
«На грищи спивала, на досвиткахъ пряла,
«На улици часомъ до свита гуляла....
«А бувало, стане скушно,
«Серце ные та болить,
«Въ грудяхъ важко; плачешь, плачешь....
«Божій свитъ не веселить! ..
«У садку пташки щебечуть,
«По степу цвитуть квитки;
«Якъ послухаешь, якъ глянешь,
«Плачешь Бо-зна одъ чого!...
«И знати не знала чого я бажала!
«И все було, доню, я такъ сумовала;
«Поки твій отець мене кохати неставъ,
«Поки зъ моимъ любимъ насъ пипъ не звинчавъ....
«Кинь лихомъ объ землю, та будь веселенька!
—И думае дочка, схилившись до неньки: —
«Чомъ доси мене ще нихто не кохавъ?

Е. Гребенка.

———

* * *

Когда любовь моя смущаетъ ваше счастье ,
Забудьте про неё... Зачѣмъ меня любить !
Я благодаренъ вамъ за прошлое участье ,
Я вашимъ счастьемъ буду жить....

Не вы-ль меня на жизнь благословили ,
Не вы-ли первыя сказали мнѣ *люблю*!...
Меня вы со слезой и съ радостью сдружили :
И я забыть меня молю !

Какъ я боюсь, чтобъ вы не помутили
Слезою обо мнѣ своихъ небесныхъ глазъ: —
Я счастливъ тѣмъ, что вы меня забыли ,
Я счастливъ тѣмъ, что не забуду васъ !

* * *

Харьковъ.

---

* * *

Мой ангелъ, давно-ли
Ты кроткой малюткой была ,
И чуждая воля
Коснуться тебя не могла !

Приличьямъ послушна ,
Ты стала прелестно-умна ,
И такъ простодушно
Холоднымъ коварствомъ полна....

Въ волненіяхъ жизни
Мнѣ грустно столкнуться съ тобой :
О горней отчизнѣ
Ты мнѣ не напомнишь собой....

* * *

Харьковъ.

УТОПЛЕННИЦА.

Не Дунаюшко волнуется
Свѣтлою волной,
Моя ладушка красуется
Русою косой;
И не рыбка встрепенулася
На глубокомъ днѣ,
Моя ладушка проснулася,
И грустить по мнѣ.

—

Не въ Дунаюшкѣ купаются
Божьи небеса,
У касатки открываются
Ясные глаза;
И не струйка бѣлопѣнная
По волнѣ скользитъ:
Это милая, безцѣнная,
Пальчикомъ грозитъ!.....

С. Будимировичъ.

Харьковъ.

БОРИСЪ-ГОРЕМЫКА.

Эту удаль молодецкую
Ты тогда узнала,
Какъ ты въ воду москворѣцкую
Ножку опускала;

Какъ тебя, моя желанная,
Пѣной заплескало,
Какъ тебя рука нежданная
Изъ воды достала.....

—

Удаль знатную Борисову
Дѣвушки хвалили,
Какъ ведерцы кипарисовы
Волны уносили;
Какъ за травкой приворотною
Въ темный лѣсъ ходили,
Хитрой рѣчью изворотною,
Молодца манили.

—

Цѣлу ночиньку безсонную,
Думаю гадаю,
Злую долю забуденную,
Молча проклинаю!
Награжденный вдоволь силою,
Верею сломаю,
Въ ночь пройду я надъ могилою,
Съ бѣсомъ совладаю!

—

Не дала судьба-измѣнница
Удалой походки,
Ни дородства, ни имѣньица —
Золотой бородки....
Къ ней-то льнутъ дѣвицы красныя,
Кумовья, да тетки....
Да и горе въ дни ненастные
Безъ такой бородки! —

С. Будимировичь.

Харьковъ.

———

К. Л. О. Д.

Пословица: владѣетъ смѣлымъ Богъ,
Совсѣмъ неправда:
Зачѣмъ же вашъ портретъ я написать не могъ?
Зачѣмъ ни въ чемъ мнѣ не далася слава,
И я ничто: ни живописецъ, ни поэтъ?
А кажется, за вашъ портретъ
Я принялся довольно смѣло
И чувствами душа была полна;
Позненько ужъ смѣкнулъ я дѣло,
Что для искусства отважность не нужна,
И въ томъ Горацій намъ порука:
Въ стихахъ ему далась наука,
А съ бою онъ какъ трусъ бѣжалъ.
Не помню, гдѣ-то я читалъ,
Что въ Греціи какой-то живописецъ,
Аполлодоръ иль Зевксъ, иль другой,
Не помню я.... Князь Ш....,
Какъ драматургъ и лѣтописецъ,
Вамъ скажетъ вѣрно кто такой....
Князь былъ когда-то музъ угодникъ
И Грековъ зналъ на-перечетъ;

. . . .
. . . .
. . . .

Положимъ, живописца звали
NN.... Однажды написать
Ему Париса заказали.
Париса мудрено-ль создать?
Парисъ готовъ и яблоко готово;
Юнону написать ему труднѣй,
Съ ея красой и гордой и суровой,
Но мой художникъ сладилъ съ ней.

Не такъ легко ему далась Аѳина,
Во всемъ оружіи, съ совой,
Съ чудесно - мудрой головой.
Но ка́къ-то кончится картина?
Ка́къ написать царицу красоты,
Чтобы уста желаніемъ пылали,
Чтобъ на челѣ роскошныя мечты
И думы милыя порхали?
Чтобы ланиты, какъ заря,
Небеснымъ пурпуромъ горя,
Любовь и мудрость изображали?
Чтобы въ очахъ ея сверкалъ
Всерушащій, всесильный пламень,
Чтобъ зритель въ нѣгѣ утопалъ
И таялъ весь, хоть будь онъ камень.
Но тщетно живописецъ мой,
Вперя задумчивыя очи,
Передъ картиной заказной
Сидѣлъ и долго дни и ночи....
Какъ быть? по наконецъ смекнулъ,
И голову затылкомъ повернулъ.
И я, какъ подражатель ловкой,
Оставя прежній вашъ портретъ,
Нарисовалъ другой, съ повернутой головкой ...
Скажите, правъ я, или нѣтъ?

В. Ш....въ.

Харьковъ. 1843.

А. П. С—ну.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы видались въ Польшѣ
Одиннадцать лѣтъ незамѣтно прошло;
О! сколько вина съ той поры утекло,
А чистой воды еще больше!
Съ-тѣхъ-поръ довелось мнѣ пожить и въ глуши
И рыскать по бѣлому свѣту ;
Что̀ было.... иное бы въ Лету,
Иное вписалъ я въ скрыжаляхъ души.
По-счастію, хорошаго болѣ,
И есть гдѣ въ волшебныхъ мнѣ снахъ побывать.
Такъ ночью, самъ-другъ я въ гондолѣ
По тихимъ лагунамъ пускаюсь летать,
И слушаю Тасса октавы,
И снова волнуетъ мнѣ душу любовь,
И вѣрю призванію славы
И жажды войны и вѣнка, и стиховъ.
То вдругъ уношуся на сѣверъ,
Гдѣ первая юность моя протекла,
То снова подъ сѣнью роднаго села
Сбирать свекловицу и клеверъ....
Соскучился — и вотъ, чрезъ бѣлый бурунъ,
Лечу черезъ Каспій къ Гарлему,
И дуетъ въ лицо мнѣ горячій самунъ
И Бекъ мнѣ готовитъ измѣну:
А чаще всего (да проститъ мнѣ жена)
Въ мечтахъ мнѣ является шпага,
А съ нею забытыя всѣми война,
Бивакъ, Остроленко и Прага.
А ты между-тѣмъ, въ тѣ одиннадцать лѣтъ,
Что дѣлалъ, мой милый проказникъ?
Тогда ты былъ свѣжій, безусый корнетъ,
И въ жизнь ты вступалъ какъ на праздникъ;

Кипѣлъ и бурлилъ какъ кавказкій потокъ,
Въ которомъ нѣтъ ила и тины,
И блещетъ на днѣ золотистый песокъ,
Сквозь зеркало чистой пучины.
Носился-ль какъ прежде безъ боли души,
Съ утра и до черной полночи?
Кому, вѣтрогонъ, напѣвалъ ты въ тиши,
И клялся любить что есть мо̀чи!
А видѣлъ одну.... что за прелесть дитя,
Какъ сладостно пѣла малютка!
Бѣдняжка любила тебя не шутя;
Тебѣ же любовь была шутка.
Но шутки до время! признайся-ка, другъ:
Зачѣмъ ты не тотъ что бывало?
Не носишь-ли въ сердцѣ тайный недугъ?
Иль сердце любить ужъ устало?
Иль скучно тебѣ, и постылъ тебѣ свѣтъ,
И можетъ, не прочь застрѣлиться....
Отъ скуки есть средства, прими мой совѣтъ,
Пора тебѣ милый жениться.

В. Ш....въ.

Харьковъ. 1843.

ТАГАНРОГСКАЯ НОЧЬ.

Ночь ясна; прохлады полный,
Дремлетъ темный садъ;
Меотическія волны
Блещутъ и шумятъ.
При лучахъ прозрачной ночи,
Въ часъ волшебный сна,
Сна незнающія очи,
Гляньте изъ окна!

Ждетъ насъ сумракъ благосклонный,
Ждетъ безмолвный садъ : —
Тамъ подъ сѣнью благовонной
Двѣ скамьи стоятъ,
Тамъ твои уста и плечи
Буду цаловать,
Слушать пламенныя рѣчи ,
Звуки заучать !....

Мы одни... Оставь сомнѣнья.....
Дремлетъ клевета :
Ей лучами вдохновенья
Я сожгу уста !
Въ блескѣ тебя передъ толпою
Я могу одѣть ,
И она, гордясь тобою,
Будетъ гимны пѣть ! —

Фата-Моргана.

Харьковъ.

СУДЬБѢ.

Мнѣ скучно жить—быстрѣй летите
Мои печальные часы !
Сѣдиной ранней убѣлите
Мои кудрявые власы,
Чтобъ я сошелъ безъ сожалѣнья
На ложе гроба въ тишинѣ : —
Неясной жизни скучны мнѣ
Однообразныя волненья !...
Но если будетъ въ жизни день

Исполненъ счастія земнова,
И все прошедшее какъ тѣнь
Исчезнетъ, чтобъ явиться снова, —
Помедли юностью моей,
Дай часомъ жизни насладиться,
И въ опьяненіи страстей,
Въ сонъ безпробудный погрузиться.

Фата-Моргана.

НА МОРѢ.

═

Властелинъ я надъ судьбою,
Надъ водами и землей!....
Волны моря подо мною,
Волны звуковъ надо мной.

—

По волнамъ какое счастье! —
Съ милой женщиной бѣжать,
Ей сердечное участье
Нѣжной лаской расточать....

—

На землѣ бъ не цаловалъ я
Этой ручки наливной;
На землѣ бы не слыхалъ я
Этой рѣчи неземной!

—

Всюду радостные клики:
Ночь спокойна и ясна,
И гармонію музыки,
Молча слушаетъ волна.....

Фата-Моргана.

Харьковъ.

---

* * *

Мы прожили отраду ожиданья !.....
Нѣтъ въ нашемъ сердцѣ ничего,
Ни чистыхъ радостей, ни чистаго страданья ;
Для позднихъ дней ни одного
Не сберегли мы чувства молодаго,
И въ бѣдномъ сердцѣ нѣтъ былаго,
Чемъ юность жизни помянуть,
О чемъ заплакать и вздохнуть!.....

Шутя нашъ вѣкъ прошелъ, и мы не замѣчали , —
Что̀ радовало насъ и отчего страдали,
И отчего былаго намъ не жаль ,
И отчего мы долгую печаль,
Какъ смутное неясное видѣнье,
Забыли въ свѣтлое мгновенье.....

О нѣтъ! не нужно мнѣ такого бытія......,
Но проситъ у него душа моя
Иль вѣчной памяти, иль вѣчнаго забвенья ! —

Фата-Моргана.

Харьковъ.

Къ музѣ моей.

Прійди ко мнѣ поздней порою,
Въ безлунную, тёмную ночь,
Прійди потаенной тропою,
Восторга стыдливая дочь!

Пусть утро тебя не застанетъ,
Пусть мѣсяцъ покроется мглой: —

Въ очахъ твоихъ солнце пылаетъ
И свѣтится мѣсяцъ порой!

Пусть люди тебя не увидятъ
Очами презрѣнныхъ страстей,
Пусть люди тебя не обидятъ
Земною любовью своей....

Фата-Моргана.

Харьковъ.

---

20 Августа.

На сценѣ, помнится, смѣялись и страдали,
Но для меня казалось все равно:
На ложу я смотрѣлъ,—меня не занимали
Ни холодъ зрителей, расчитанный давно,
Ни авторомъ придуманныя страсти.
Въ оковахъ золотыхъ непостижимой власти,
Хотѣлъ бы я смотрѣть, смотрѣть,
И, глядя на нее, не слышно умереть!

Склонившись на руку кудрявою головкой,
Съ улыбкой ясною на розовыхъ устахъ —
Она дитя! — Предъ дѣтскою уловкой
Вся опытность моя разсыпалась въ прахъ....
Я горько пожалѣлъ объ опытѣ напрасномъ
И разувѣрился я въ холодѣ страстей,
Но каюсь предъ собой, что, въ изступленьи страстномъ,
Какъ юноша, хотѣлъ я пасть предъ ней....

Фата-Моргана.

Харьковъ.

Вечерняя дорога.

Вечерній мракъ ложился на поляны,
Одѣлась даль въ осенніе туманы,
И образы причудливой толпой
Кружилися надъ сонною землей;
То рядъ колоннъ неясною громадой,
Плѣнялъ меня на мигъ и исчезалъ,
То ѣхалъ я подъ римскою аркадой,
То вдругъ подъ кедрами столѣтними блуждалъ,
То предо мной, изъ мрака возникая,
Носился рой полупрозрачныхъ фей....
Но онъ исчезъ, и, взорами блуждая,
Я видѣлъ уши лошадей.

Фата-Моргана.

Въ дорогѣ.
27 октября 1842.

Совѣтъ.

Не гляди на меня простодушно,
Неземною любовью любя:
Свѣтъ, ничтожному чувству послушный,
Оклевещетъ, мой ангелъ, тебя!

—

Схорони драгоцѣнныя чувства
Отъ насмѣшливыхъ взоровъ людей,
Какъ художникъ созданья искусства
Отъ непризванныхъ прячетъ судей.

—

Притворись, если хочешь счастливо
У людей на землѣ погостить:
Будь, обдумавъ, рѣзва и стыдлива
И умѣй по расчету любить.....

—

Не высказывай чувствъ въ изступленьи,
Но послушное сердце скрѣпя,
Подавляй ихъ въ началѣ рожденья
И, повѣрь, не осудятъ тебя!

***

Харьковъ.

М. А. Б-КОЙ.

Разкричались вояжёры:
«О лавровые лѣса!
«О лазоревыя горы!
«О сафирны небеса!»
Только свѣту у окошка
Что Италіи краса;
Хоть бы вспомнили немножко
Про родныя чудеса!
Въ нашемъ славномъ государствѣ,
Въ ледяномъ и снѣжномъ царствѣ,
Лишь бы грянули въ походъ,
Лавръ чудесный разцвѣтетъ.

Но волшебнаго тутъ мало;
А вотъ чудо изъ чудесъ:
Обнажился темный лѣсъ,
Снѣгу грудами напало,
Вѣтеръ воетъ, вьетъ метель,
Льды всѣ воды заковали,
Въ шкапъ запрятана шинель

И мѣха подорожали.
Въ пузырекъ уходитъ ртуть:
Тридцать градусовъ, смотрите;
Поскорѣе печь топите,
Не жалѣя дровъ ничуть!

Что-жъ изъ этого? гдѣ-жъ чудо?
Тридцать градусовъ вѣдь худо!

Видѣть по веснѣ цвѣтки
Подъ роскошнымъ небомъ юга,
Согласитесь, пустяки!
Вотъ у насъ бушуетъ вьюга,
А румяна какъ заря,
Въ половинѣ декабря,
Въ тридцать градусовъ мороза
Родилась кузина-роза;
Вотъ, надѣюсь, чудеса!
Что-жъ мнѣ скажутъ вояжёры
Про свой югъ и небеса,
Про лазоревыя горы,
Про лавровые лѣса?

Валер. Ш.

Харьковъ.

УПРЕКЪ.

Когда луна взойдетъ среди тумана,
За хоромъ звѣздъ, надъ мрачною землей,
И темный лѣсъ, и свѣжая поляна
Покроются жемчужною росой;

Когда въ домахъ, надъ рощей, надъ рѣкою,
Послѣдній шумъ, послѣдній звукъ умретъ,
И соловей, надъ розой молодою
На стебелькѣ качаяся, уснетъ;

Тогда въ тиши, средь ночи безмятежной,
Прислушайся къ порханью вѣтерка,
Надъ цвѣтникомъ, надъ рощею прибрежной,
Надъ чистою струею ручейка:

Тамъ лилія головку преклонила,
Задумчива, недвижна и блѣдна;
Подумаешь, что жизнь ей измѣнила,
Что ароматъ утратила она....

Но вѣтерокъ влюбленное лобзанье
Красавицѣ тоскующей несетъ
И лилія душистое дыханье
За поцѣлуй роскошно предаетъ.

Подъ вѣтвями плакучей, мрачной ивы
Уединенная Эола арфа спитъ;
Къ ней вѣтерокъ, веселый и игривый,
Подъ сѣнь деревъ, съ отрадою летитъ,

И крыльями по струнамъ пробѣгаетъ,
Ласкаетъ ихъ, и хочетъ сонъ прогнать....
И арфа вновь для звуковъ оживаетъ,
И о любви поетъ ему опять.

А тамъ ручей, въ томительномъ покоѣ,
Въ безжизненныхъ таится берегахъ,
И не блеститъ русло его златое,
Какъ-будто нѣтъ луны на небесахъ....

И вдругъ, надъ нимъ дыханье воскресаетъ,
Летитъ къ ручью знакомый поцѣлуй;
Опять русло златистое сверкаетъ,
И слышенъ стонъ, и тихій говоръ струй.

Зачѣмъ же ты одна хранишь молчанье?
Зачѣмъ, въ часы священные любви,
Не отвѣчать на сладкое призванье
Какъ лилія, какъ арфа и струи?

Валер. Ш.

Харьковъ.

———

Песня молодки.

=

Онъ удалый былъ дѣтина,
Славный запѣвало!
Съ нимъ подъ-часъ мнѣ любо, любо,
Весело бывало.

—

У него ли русы кудри
Падали на плечи,
Съ устъ румяныхъ вылетали
Сахарныя рѣчи.

—

Ужъ и вирямъ сказать, былъ боекъ
И талантливъ больно.....
Да *шкодливъ*-то былъ не въ мѣру,
Вспомнится невольно!....

—

Еслибъ вѣдали да знали,
Какъ его любила! —
Думала, что не забуду,
Да и позабыла!

С. Будимiровичь.

Харьковъ.

———

РУССКАЯ ЖЕНИТЬБА.

Ночь покрыла небеса:
Ночь хоть выколи глаза.
Снѣгъ лежитъ, а зги не видно.
Тихо: будто спятъ завидно
На погостѣ мертвецы,
Наши дѣды и отцы.
Этой позднею порою,
За Москвою за рѣкою
Шелъ дѣтина удалой
Перемолвиться съ судьбой,
На Ордынку къ ворожейкѣ,
Къ черноглазой чародѣйкѣ:
Съ ней въ тиши потолковать,
Гдѣ-бъ таланъ свой отыскать.

—

Свѣчка теплится въ свѣтлицѣ,
За столомъ сидитъ дѣвица,
И дѣвица хоть куда:
И стройна и молода.
Вьются кудри разсыпныя,
Очи рѣзвыя живыя
Ретивое шевелятъ,
Вешнимъ солнышкомъ горятъ.
«Погадай-ко мнѣ, дѣвица,
Что̀ впередъ со мной случится......
Безъ пяти мнѣ тридцать лѣтъ,
А талану нѣтъ какъ нѣтъ!....»
Въ ковшъ студеную водицу
Налила моя дѣвица,
Воскову свѣчу зажгла,
Въ ковшъ смотрѣться начала.

— «Миновалось гореванье,
Миновалось безталанье!
Скоро будешь ты женатъ
И доволенъ и богатъ,
Не зайдетъ къ тебѣ кручина.....
Какъ цвѣтокъ среди долины,
Будешь цвѣсть да разцвѣтать,
Да дѣтишекъ наживать....» —
«Сослужи еще мнѣ службу,
Ради нашей новой дружбы:
Погадай—поворожи,
Мнѣ невѣсту покажи.»
Долго дѣвица гадала
Надъ водой, потомъ сказала:
— «Глянь-ко въ воду, свѣтикъ мой,
И невѣста предъ тобой.» —
«Что за чудо! ужъ водица!...
Вижу въ ней тебя, дѣвица!....»
— «Стало суженый ты мой.....»
«Ну такъ будь моей женой!»

С. Будимировичъ.

Харьковъ.

И. Ю. Б-МУ.

Я ужъ теперь не тотъ что прежде:
Не сталъ я вѣрить ничему,
Ни обольстительной надеждѣ,
Ни вдохновенью моему!
Утративъ прежнія стремленья —
Плодъ честолюбья и страстей,
Мнѣ послѣ долгихъ, бурныхъ дней
Пора искать успокоенья.....

Пора всѣ чувства и волненья
Однимъ мнѣ чувствомъ замѣнить,
Все презирать, одно любить!....
Я ужъ и такъ, для *ней*, какъ въ Летѣ,
Былое въ сердцѣ истребилъ,
И *небо Шиллера и Гёте*
Подъ небомъ Р***ой забылъ! —

Харьковъ.

НАСМѢШКА ИЗЪ МОГИЛЫ.

Не плачьте, други, надъ гробами:
Зачѣмъ не дорожить слезами;
Вамъ много плакать надъ собой
Пріидется въ юдоли земной.

Доволенъ я своею долей:
Я безъ желаній и страстей;
Я здѣсь не знаю чуждой воли
Надъ волей мирною моей.
Прошедшее оставивъ съ вами,
Я здѣсь о будущемъ забылъ......
Теперь бы плакать мнѣ надъ вами:
Я дань сомнѣньямъ заплатилъ......
О, горе вамъ, когда не станетъ
У васъ слезы оплакать свой
Печальный жребій, какъ завянетъ
Цвѣтъ вашей жизни молодой!

Не плачьте, други, надъ гробами:
Зачѣмъ не дорожить слезами;
Вамъ много плакать надъ собой
Пріидется въ юдоли земной!

Щ.

Харьковъ.

Современная любовь.

═

Любовь!.... Любовь пустое слово: —
Извѣдалъ эту я любовь!
Ты разлюбить всегда готова,
Я полюбить всегда готовъ.

—

Не говори о вѣчномъ чувствѣ:
Вѣдь чувство всякое смѣшно!
Оно намъ нравится въ искусствѣ,
Но въ жизни не въ-ходу оно.....

—

Ты въ небеса теперь несёшься
Своею пламенной мечтой:
А послѣ горько посмѣёшься
И надъ собой, и надо мной!

Фата-Моргана.

Харьковъ.

Музыка.

═

Порой найдутъ тяжолыя мгновенья
На душу грустную мою:
Её волнуетъ вдохновенье,
Но я молчу, я не пою.....
Отъ полноты души языкъ нѣмѣетъ:
Я жажду звуковъ, но не словъ,

Чтобъ выразить чѣмъ сердце пламенѣетъ,
Какъ рвётся чувство изъ оковъ.....
И чувства мрутъ въ груди, напрасно грудь волнуя,
И на душѣ холодная тоска....
Богатство духа познаю я
И бѣдность языка.

Фата-Моргана.

Харьковъ.

---

* * *

Странно! бывало, малюткой
Няниныхъ сказокъ терпѣть я не могъ:
Что-то влекло меня въ тёмную рощу
Слушать, какъ шепчется что-то въ вѣтвяхъ.
Сердце мое трепетало боязнью:
Сладка была мнѣ такая боязнь.
Я понималъ тотъ таинственный шопотъ.
Вамъ передать я его не могу:
Мысли мутятся и слово нѣмѣетъ...
Часто любилъ я смотрѣть на рѣку,
Слушая музыку хоровъ незримыхъ;
Въ очи мнѣ прямо, участья полны,
Водные духи сквозь волны смотрѣли.
Вѣтеръ, колыша тростникъ надъ водою,
Мнѣ напѣвалъ колыбельную пѣсню,
Полную чуднаго смысла; его
Бѣдный языкъ и холодный разсудокъ
Высказать вамъ не съумѣютъ, но сердце
Ясно его понимаетъ и помнитъ. —
Эти мгновенья прошли не возвратно
Съ дѣтствомъ безпечнымъ и съ жизнію сердца;
Годы другіе настали: природа
Стала мертва для меня и беззвучна.
Разумомъ больше живу я, чѣмъ сердцемъ.
Міръ человѣка разкрытъ предо мною:

Въ свѣтлой улыбкѣ я вижу отраву;
Стонъ, заглушаемый смѣхомъ, я слышу;
Въ каждой морщинѣ чела я читаю
Повѣсть о жизни, печальную повѣсть.....

Харьковъ.

ВЕСНА.

I.

Чувствую, силы мои,
Юныя силы слабѣютъ;
Слышу, холодную руку
Смерть положила на сердце....
Бѣдное сердце мое!
Рано тебя схоронилъ я,
Рано сожогъ я страстями,
Рано желать пріучилъ я,
Рано надежды разбилъ.....

II.

Съ юга лазурнаго вѣетъ
Зноемъ и лёгкой прохладой;
Вѣетъ какою-то нѣгой
Съ неба и съ моря, и съ горъ.
На небѣ облако рдѣетъ,
Пахнетъ дождёмъ благовоннымъ......
Скоро сквозь яркое солнце
Перлы дождя упадутъ:
Перси земли растворятся,
Влаги чудесной напьются.
Гляну: — зелёныя перси
Рдѣютъ багрянцемъ цвѣтовъ.

III.

Хоть-бы пожить мнѣ весною! —
Чую, какъ сердце забилось.
Съ тёплаго сердца упала
Хладная смерти рука......
Выйду я въ чистое поле,
Лягу на мягкую травку,
Буду на ясное небо,
Буду на море смотрѣть.
Много есть жизни въ природѣ:
Жизнь я займу у природы;
Буду открытою грудью
Воздухъ весенній впивать....

Декабрь. 1843.

ХАНДРА.

(Е. А. Броневской.)

Покинувъ горнюю обитель
Для украшенія земли,
Межъ насъ, какъ ангелъ-небожитель,
Вы чувство неба сберегли;
    И это чувство скрыть хотите
    Передъ холодною толпой....
    Его, молю васъ, назовите —
    Иль вы ужъ назвали—хандрой.
А мы.... мы скажемъ межъ собою, —
Вѣдь вамъ не властны мы сказать:
Вы рождены своей хандрою
Обворожать и побѣждать.

Хандрите, долѣе хандрите:
Вы милы ангельской тоской;
Невольно многихъ вы плѣните
Своей чарующей хандрой....

Фата-Моргана.

Таганрогъ. 1 Января, 1844.

СѢВЕРЪ.

У оконъ бушуетъ вьюга,
Стёклы меркнутъ и дрожатъ;
Но мои подъ небо юга
Мысли грустныя летятъ.
Тамъ теперь другое время:
Тамъ на небѣ такъ свѣтло,
Въ землю брошенное сѣмя
Пышнымъ цвѣтомъ возрасло;
Тамъ природа прихотлива,
Люди созданы для нѣгъ;
Въ полѣ финикъ и олива,
На горахъ холодный снѣгъ....

Сѣверъ грустный, сѣверъ бѣдный!
Я умру въ твоихъ снѣгахъ,
Какъ лучи денницы блѣдной
На угрюмыхъ небесахъ.
Я ко льдамъ твоимъ прикованъ
Сѣверянкой молодой,
Тёплымъ чувствомъ очарованъ
И таинственной душой.
Я найду-ль на злачномъ югѣ
Добрыхъ сѣверныхъ людей
И глаза моей подруги,
И сердца моихъ друзей?...

Фата-Моргана.

Харьковъ.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА.

Годà летятъ и духъ и тѣло сокрушая.
Утратилъ много я и много позабылъ,
Прошедшее хранить и помнить не желая,
Но изъ всего одно я въ сердцѣ сохранилъ....
Я память сохранилъ о женщинѣ любимой,
И съ памятью о ней разстаться не могу,
Звѣздой любви ея путеводимый,
Я память о землѣ для неба берегу.
Я времени отдамъ безъ содроганья
И свѣточь разума, и страсти, и мечты,
Чтобъ только жить воспоминаньемъ
Среди душевной пустоты; —
И отъ земли, что сердцу мило
Я сберегу для жизни за могилой....

Фата-Моргана.

Харьковъ.

ЯВОРЪ.

(*Изъ Греческой антологіи.*)

Пріиди подъ сѣнь мою, пришелецъ запоздалый!
Когда наляжетъ мгла надъ доломъ и рѣкой,
И горы темныя освѣтитъ отблескъ алый
Зарницы золотой;
Когда надъ темными, нѣмыми берегами
Камышъ зашелеститъ зелеными листами, —
Я, какъ вѣнцомъ, главу твою,

Въ вечернемъ сумракѣ, уныло обовью
Широкими, тѣнистыми вѣтвями;
При шумѣ вѣтерка ты будешь усыпленъ,
И Панова свирѣль нашепчетъ ясный сонъ.....

Я. Щоголевъ.

Харьковъ.

Чумацкія могилы.

Есть много въ Украйнѣ
На нивахъ широкихъ
Могилъ молчаливыхъ,
Могилъ одинокихъ.

Не грозные Турки
Въ могилахъ тѣхъ спятъ,
Не кости казаковъ
Подъ ними лежатъ.

Могилы убитыхъ
Бойцовъ не высоки, —
Но эти курганы
Темны и широки.

Безъ горя по волѣ,
Безъ тайной тоски,
Въ пустынныхъ могилахъ
Лежатъ чумаки.

Въ степи молчаливой,
Въ степи малолюдной
Глубокъ и печаленъ
Ихъ сонъ непробудный.

Есть давній обычай
Въ Украйнѣ моей:
Когда умираетъ
Чумакъ средь степей, —

Собраты собрата
Съ мольбой погребаютъ,
И тихо могилу
Въ степи покидаютъ.

И если вблизи той
Могилы степной
Проходитъ порою
Въ Крымъ таборъ другой,

Украинцы горстью
Тамъ землю бросаютъ,
И съ чистой мольбою
Отъ ней отъѣзжаютъ.

Такъ эти курганы
Все выше ростутъ,
И чаберомъ пышно
По нивамъ цвѣтутъ,

И вольныя птицы
Надъ ними летаютъ,
И вѣтры печально
Въ степи завываютъ.....

Я. Щоголевъ.

Харьковъ.

---

* * *

Мечты и пламень вдохновеній
Въ душѣ высокой онъ таилъ,
И въ скорбной жизни добрый геній
Его на путь благословилъ.
Минутъ отрады и страданья
Никто съ нимъ въ мірѣ не дѣлилъ,
Но за высокое призванье
Онъ жизнь тяжолую любилъ.
И жилъ онъ пламенной мечтою,
И жизнь таинственно текла;
Но рано мощною рукою
У жизни смерть его взяла!

Я. Щоголевъ.

Харьковъ.

НОГОТОКЪ.

(*Н. А. Кул....ву.*)

=

Въ огородѣ зеленѣя,
Не фіалка, не лилея —
Цвѣлъ душистый ноготокъ.

—

И казачка молодая
Въ день плѣнительнаго Мая
Сорвала его въ вѣнокъ.

—

И вѣнокъ она свивала,
Къ утру друга ожидала,
И пришелъ къ ней милый другъ.

—

Очи чорныя зардѣлись,
Ярко щоки загорѣлись,
И забилось сердце вдругъ.

—

«Мой казакъ! Тебя ждала я,
И въ вѣнокъ тебѣ свила я
Вмѣстѣ съ розой ноготокъ.»

—

Такъ казачка говорила,
И на-память подарила
Другу милому вѣнокъ.

—

Но не много той порою
Къ ней съ отрадою прямою
Свѣтлыхъ радостей пришло....

—

Пролетали дни за днями....
Разъ кровавыми лучами
Солнце степь сухую жгло....

—

И таинственно, печально
Звонъ тревожный, погребальной
Въ деревушкѣ пролеталъ.

—

Гробъ изъ церкви выносили:
То казачку хоронили...
Грустно вѣтеръ завывалъ....

—

Гдѣ-жъ казакъ — о томъ не знали;
Лишь цвѣты одни лежали
У могилы изъ вѣнка.

—

По-веснѣ, когда запѣли
Птицы въ полѣ, зеленѣли
Грустно стебли ноготка.

Я. Щоголевъ.

Ахтырка. 1842.

РАСЧЕТЪ.

Когда развертываю я
Безмолвный свитокъ жизни блѣдной,
Итогъ пустаго бытія,
И безполезный и безвредный,

И мимо памяти моей
Пройдетъ обычной чередою,
Печальный рядъ печальныхъ дней
Съ его томительной тщетою;

Тогда рождается во мнѣ
Вопросъ обиднаго сомнѣнья:
Ужель въ одномъ безцвѣтномъ снѣ
Мой вѣкъ прошелъ безъ назначенья?

Или окованъ суетой,
Я цѣли тайной не замѣтилъ,
И ни единою чертой
Духовной жизни не отмѣтилъ?

И мнѣ благая часть дана;
Но я надъ нею тернъ посѣялъ
И животворнаго зерна
Не возрастилъ, не возлелѣялъ,

Я своевольно издержалъ
Мои божественныя силы,

И нынѣ мертвый капиталъ
Несу къ дверямъ моей могилы,

У этой пропасти безъ дна,
Со страхомъ жизнь мою объемлю:
Я ни единаго зерна
Не положилъ въ родную землю.

Ничѣмъ я жизни не вознесъ,
Ничѣмъ я жизни не украсилъ,
Я дни мои отъ горькихъ слезъ,
Отъ мыслей лѣнь обезопасилъ.

Но ежели, какъ вялый сонъ,
Мой вѣкъ и суетенъ и мраченъ,
Зачѣмъ по-крайней-мѣрѣ онъ
Грѣхомъ могучимъ не означенъ,

Зачѣмъ не внесъ онъ новыхъ ранъ
Въ глухую повѣсть человѣка —
И двинулъ бы блатой обманъ
Пружины дремлющаго вѣка.

Но нѣтъ, и дикъ и теменъ онъ,
Безъ вдохновенія и силы,
Однообразный, вялый сонъ,
Могила жизни до могилы!

Э. Губеръ.

РАЗЛУКА.

И горько онъ плакалъ, садясь на коня,
И я проводила солдата.
Прощаясь онъ назвалъ сестрою меня,
Я стала молиться за брата.

Со славой и честью вернулись полки,
Не стало простора объятьямъ:
Нѣжнѣй цаловали дѣтей старики
И сестры ласкалися къ братьямъ.

—

Однажды къ нимъ черный гусаръ прискакалъ,
Страшнѣе покойника съ виду.
Твой братъ нареченный—убитъ, онъ сказалъ:
Вели отслужить панихиду.

—

Я за-мертво пала на камни крыльца
И сново очнулась для муки.....
Я жду не дождуся страданьямъ конца
И съ міромъ отрадной разлуки.

—

А всюду, какъ призракъ, меня—день и ночь
Преслѣдуетъ образъ гусара
И слушать и думать, мнѣ стало не въ мочь:
«Твой братъ не воротится, Сара.»

Н. Степановъ.

---

* * *

Есть образъ у меня живой,
Въ дѣлахъ добра руководитель,
Онъ мнѣ гроза и утѣшитель,
Моя тревога и покой!

Священнымъ пламенемъ объятой,
Я передъ нимъ и добръ и тихъ,
Въ душѣ, наитіемъ богатой,
Гремитъ нерукотворный стихъ.

Тѣхъ мыслей въ рѣчи не уложишь,
Тѣхъ чувствъ не перельешь въ слова
И самъ едва постигнуть можешь,
О чемъ поетъ твоя душа.

Н. Кукольникъ.

ПОДАРЕННЫЙ ЦВѢТОКЪ.

Камелія рдѣетъ, камелія пышетъ,
Волнуетъ, сжигаетъ всю кровь;
Мятежное пламя живетъ въ ней и дышетъ,
И въ сердце вливаетъ любовь.

Откуда-жъ такая волшебная сила
Въ мгновенномъ, ничтожномъ цвѣткѣ?
Его ты на персяхъ весь вечеръ носила
И въ милой держала рукѣ.

Бернетъ.

МИССІОНЕРЪ.

Мы обыкновенно думаемъ, что въ революціонной Франціи нѣтъ уже ни вѣры, ни алтарей. Мысль не совсѣмъ справедливая. Тамъ есть еще остатки католицизма, стараго католицизма, который нѣкогда спорилъ съ гугенотами и обращалъ ихъ убѣжденіями и мечемъ,—того католицизма, который, не смотря ни на какія отношенія къ нему большинства, вездѣ и всегда остается одинъ и тотъ-же.

Вотъ происшествіе, которое разсказывали мнѣ въ Ліонѣ.

Недалеко отъ хорошенькой деревеньки Делашо, на холмистомъ берегу Соны, есть небольшой сельской домикъ. Кудрявыя столѣтнія липы совершенно закрываютъ его отъ глазъ прохожаго; изъ него-же, вся равнина, излучистая Сона, множество деревень съ ихъ стрѣльчатыми колокольнями, рощи, луга, далекія горы и вправо древній Ліонъ подъ сѣнію своего святаго Фурвьера (*), все видно какъ на блюдечкѣ. Въ этомъ домикѣ еще недавно жило семейство, не богатое, но счастливое, въ своей посредственности, семейнымъ миромъ, любовію и трудомъ, равно раздѣленнымъ. Отецъ служилъ въ какомъ-то торговомъ домѣ, мать шила бѣлье, по подряду, въ одинъ богатой магазинъ; старшій сынъ былъ пристроенъ въ Парижѣ также въ коммерческомъ домѣ, а дочери помогали матери разкраивать батисты и полотно.

Каждую весну все семейство переселялось въ маленькой домикъ —это было не болѣе какъ съ версту отъ Иль-барбъ, откуда каждый день нѣсколько омнибусовъ отправляются въ городъ. М-мъ Сен-Пре была Швейцарка; а какъ Швейцаркѣ весною не подышать воздухомъ полей? Въ маленькомъ своемъ садикѣ она разводила цвѣты, поливала салатъ и брунколи; утромъ, усадивъ меньшихъ дѣтей около столика, заставляла ихъ читать и писать,

(*) Фурвьеръ — имя холма, у подошвы котораго выстроенъ городъ. На вершинѣ его есть старинная церковь и образъ Фурвьерской Божіей матери, очень уважаемой въ окрестности.

сама шила возлѣ нихъ и по временамъ посматривала въ каминъ, гдѣ по-легохоньку перебирался въ горшкѣ семейный супъ. Въ жаркой полдень, въ бесѣдкѣ обвитой каприфоліями, работала съ дочерьми, между-тѣмъ какъ меньшая читала главу изъ священнаго писанія; когда-же вечеръ спускался надъ рѣкою, она выходила на терассу и тамъ, смотря на темное небо, усѣянное звѣздами, говорила дѣтямъ о добрѣ, о милосердіи Бога и безсмертіи души, о которыхъ, въ прошедшее воскресенье, такъ краснорѣчиво и убѣдительно говорилъ пасторъ въ короткой и простой проповѣди своей. Сен-Пре были кальвинисты. Нѣкогда отцы ихъ покупали кровью свободу слушать слово Божіе по своему произволу; теперь-же дѣти смиренно жили между католиками, равно прикрытые всеобщимъ равнодушіемъ къ дѣлу религіи. Въ конторѣ не спрашивали, какую вѣру исповѣдывалъ Сен-Пре; въ магазинѣ не допытывались, въ протестантскомъ-ли храмѣ или въ соборной церкви святаго Іоанна слушаетъ обѣдню м-мъ Сен-Пре, или даже и слушаетъ-ли ее? Оба были исправны, точны, усердны—чего же болѣе для общества, которое уже все подвело подъ цифры?

Рядомъ съ домикомъ Сен-Пре была дача г-на Мореля, такъ-что одна только частая загородка изъ боярышника и то по мѣстамъ выпавшая, да неширокая канавка, раздѣляли сады двухъ владѣній. Сосѣдъ Морель занимался также коммерціею и былъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ старикомъ Сен-Пре. Они вмѣстѣ отправлялись утромъ въ городъ, вмѣстѣ вечеромъ возвращались въ деревню; обѣдали у одного ресторатора, и часто вмѣстѣ заходили въ кофейню выпить по чашкѣ кофе, прочитать журналы и потолковать о выборахъ, о торговлѣ, и тому подобное; но дома они рѣдко видались. Морель былъ вдовъ и жилъ съ меньшимъ сыномъ и сестрою, старою дѣвушкою; а какъ она была одною изъ самыхъ ревностныхъ католичекъ во всей южной Франціи, считая отъ Ліона до Марсели, то и смотрѣла какъ-то не очень дружелюбно на сосѣдей—еретиковъ. Дѣвица Морель была ангелъ между старыми дѣвушками. Разумѣется, въ молодости она, какъ и всѣ, мечтала, любила, разочаровалась; но у нее разочарованье не подняло нисколько желчи, напротивъ, она увѣрила себя, что положеніе старой дѣвицы было очень душеспасительно, и потому все, что было теплаго въ душѣ, обра-

тила въ высокую набожность, не пропускала ни одной обѣдни, нѣсколько разъ въ день перебирала четки, читая аве и патенотры, и отъ всего сердца молилась, чтобъ небо возвратило къ общему стаду заблудшихся овецъ. При этомъ словѣ она обыкновенно взглядывала на брата, который, къ-несчастію, думалъ болѣе о газетахъ, чѣмъ о проповѣди, и потомъ на сосѣдскихъ дѣтей, которыя вѣчно играли у нее въ глазахъ, сидѣла-ли она въ саду или на балконѣ въ палисадничкѣ. Она не могла видѣть безъ сожалѣнія этихъ дѣтей. Всѣ они были такъ хороши, румяны, свѣжи и такъ ласковы. Не жалость ли? особливо меньшая, Тереза. Ее особенно жалѣла старая дѣвушка. Что за прелестной ребенокъ была эта Тереза! Глаза черные, задумчивые, нѣжные, а кожа розовая, тонкая, прозрачная. И какъ хорошо разсыпались свѣтлыя кудри по атласистымъ плечикамъ дѣвочки! Ка̀къ хороша она была, когда садясь у ногъ старой дѣвушки, на травѣ, играла четками и, слушая ея разсказы, смотрѣла въ глаза старушки такъ мило, такъ вкрадчиво...... Да, Тереза хаживала къ старой дѣвушкѣ. М-мъ Сен-Пре безъ затрудненія отпускала къ ней дочь, хотя сама и не была знакома; и почему-же не такъ? Дай Богъ, чтобъ добрые люди любили дѣтей: пригодится имъ впереди. Вотъ какъ случилось это знакомство.

Я сказала уже, что сады двухъ сосѣдей раздѣлялись только живою оградою. Въ домѣ, гдѣ жилъ Морель, не было другихъ дѣтей кромѣ Генриха, сына его, и потому бѣдный мальчикъ долженъ былъ играть всегда одинъ, между-тѣмъ возлѣ полдюжины дѣтей всѣхъ возраставъ, рѣзвились, кричали, шумѣли; какъ устоять противъ такого искушенія? Разумѣется, Генрихъ воспользовался первою лазейкою, и вотъ онъ съ еретиками и шумитъ не меньше ихъ. Дѣвица Морель услыхала и ахнула, увидя, въ какое неблагочестивое общество попалъ племянникъ. Зоветъ его, кричитъ, бранитъ, и даже привязала за ногу, на веревочку, къ своему стулу: но такова природа человѣческая: чѣмъ строже запрещеніе, тѣмъ сильнѣе желаніе. Лишь только веревочка съ ноги—Генрихъ въ лазейку, а тамъ, за канавкой, уже стоитъ Тереза и кричитъ: Генрихъ, Генрихъ, скорѣе!—и оба бѣжать, оставляя старой тетушки заботу искать племянника по всему саду. И такъ было почти каждой день. Тетушка посмотритъ—Генрихъ въ саду, на яблонѣ, подаетъ Терезѣ луч-

шія ракеты; на лугу—опять вмѣстѣ, поодаль отъ всѣхъ, и Генрихъ что-то разсказываетъ своей любимицѣ. Одинъ разъ даже —старая дѣвушка возвращалась изъ церкви съ духовникомъ своимъ; дорога шла мимо кладбища; смотрятъ, въ сторонкѣ, подъ кудрявымъ чинаромъ, надъ могильнымъ камнемъ покойной Морель, Генрихъ и Тереза—и оба молятся на колѣнахъ. Лучи заходящаго солца падали прямо на личико Терезы; это милое личико, обращенное полу-профилемъ къ старой дѣвушкѣ и набожно склоненное, вдругъ показалось ей необыкновенно похожимъ на херувима въ запрестольномъ образѣ ихъ приходской церкви, обожающаго Мадонну. Она задумалась и странная мысль мелькнула въ головѣ ея: что̀ значитъ эта привязанность Генриха къ дѣвочкѣ! кто знаетъ?.. судьбы Божіи неисповѣдимы... и во всю дорогу, послѣ того, она говорила съ священникомъ тихо и съ чувствомъ.

Въ тотъ-же вечеръ старая дѣвушка, увидя Терезу у своего палисадничка, зазвала ее къ себѣ. Дѣвочка испугалась-было: Генрихъ изъ-за рѣшотки подавалъ ей цвѣты! Однако ее звали такъ ласково..... Съ-тѣхъ-поръ Тереза была въ домѣ все чаще и чаще, и даже старая Морель одинъ разъ рѣшилась сама итти къ сосѣдямъ. Съ-тѣхъ-поръ многое перемѣнилось. Генрихъ и Тереза были неразлучны. М-мъ Сен-Пре часто отпускала дочь съ сосѣдкою на Фурвьеръ или въ церковь Кальвера, съ террасы которой такъ хорошо видны были вершины Монблана. Генриху особенно нравилось это мѣсто. Онъ любилъ взорами слѣдить лучъ заходящаго солнца, умирающаго на этихъ чистыхъ вершинахъ, когда они, въ часъ вечера, какъ опалы сіяютъ въ синевѣ небесной; любилъ и уединеніе и развалины, покрывающія самый холмъ, и пустынную дорогу къ древней церкви Фурвьера, —а Тереза—ей нравилось все, что нравилось Генриху. Тереза, дѣвочка, любила уже какъ женщина, которая въ сердечной привязанности не живетъ уже собственною жизнію, и видитъ и слышитъ чувствами милаго ей существа. Генрихъ былъ старѣе Терезы тремя годами и одинъ изъ всѣхъ дѣтей, особенно занимался ею. Онъ переносилъ ее черезъ ручей, когда она, робкая, не смѣла идти одна; онъ дожидался ее, когда она, меньшая всѣмъ, отставала на бѣгу—и Тереза во всякомъ затруднительномъ случаѣ привыкла искать глазами своего Генриха и вѣрить въ него

какъ въ свое провидѣніе. Между-тѣмъ характеръ Генриха развивался страннымъ образомъ и это имѣло вліяніе и на характеръ Терезы. Еще въ дѣтствѣ живой и рѣзвый, онъ не рѣдко, посреди самыхъ веселыхъ игръ, вдругъ задумывался, оставлялъ шумный кругъ товарищей и уходилъ на берегъ рѣки или въ рощу, гдѣ сидѣлъ одинъ по цѣлымъ часамъ. Эта склонность къ уединенію, увеличивалась съ каждымъ годомъ. Часъ-отъ-часу онъ становился задумчивѣе; казалось даже, что онъ только изъ приличія раздѣляетъ забавы другихъ и не рѣдко принужденная улыбка его говорила, что ему становятся не понятными радости ихъ. Все его веселье, вся его радость теперь была — уединенная прогулка и присутствіе его Терезы, веселой, безпечной, но внимательной къ каждому его слову и одаренной душою, которая, какъ чистое зеркало, отражала каждое его чувство, каждую мысль. Не рѣдко они уходили вмѣстѣ на край деревни, туда, гдѣ, подъ тѣнью густыхъ деревьевъ, покоился прахъ матери Генриха; иногда входили въ церковь, гдѣ старый священникъ приносилъ жертву на алтарѣ Богоматери, и тамъ, склоняя головы при звукѣ колокольчика, призывали вмѣстѣ благословеніе неба. Родные видѣли эту дружбу и оставляли въ покою дѣтей. Тереза была еще ребенокъ. — Съ годами все пройдетъ, говорила м-мъ Сен-Пре; между-тѣмъ Тереза привыкала жить и мыслить душою Генриха, и до-сихъ-поръ ни тому, ни другому жизнь порознь не представлялась еще возможною.

Наступало время перваго пріобщенія Генриха; эпоха торжественная у католиковъ, и еще болѣе торжественная въ домѣ Морелей, потому-что старая дѣвушка видѣла въ ней важнѣшій актъ жизни, и самъ Генрихъ, воспитанный теткою въ ея правилахъ, приготовлялся съ большимъ благоговѣніемъ и радостію... Но онъ былъ печаленъ, возвращаясь изъ церкви по окончаніи церемоніи, и вечеромъ встрѣтясь съ Терезою въ саду, признался смущенной дѣвушкѣ, что она была причиною этой печали. — Для чего ты не католичка, Тереза? говорилъ онъ, обнимая ее со слезами на глазахъ. — Въ-самомъ-дѣлѣ, это была первая торжественная радость въ его жизни и Тереза не дѣлила ее съ нимъ. Когда въ церкви онъ увидѣлъ дѣвушекъ подъ бѣлыми покрывалами, въ одеждѣ невинности и чистоты, приступавшихъ съ нимъ вмѣстѣ къ алтарю, сердце его забилось; онъ искалъ

между ними Терезу, но ея не было, и тогда въ первый разъ Тереза представилась ему чужою. Сердце его сжалось; ему показалось, что у него отняли пол-жизни. Міръ безъ Терезы, самое небо, гдѣ, по словамъ священника, еретичка не могла быть, это небо показалось ему изгнаніемъ, и теперь, когда возвратясь къ ней, онъ видѣлъ ея черные, нѣжные глаза, ея милую улыбку, онъ въ первый разъ замѣтилъ, что никого не было лучше Терезы, и при мысли, что она ему чужая, готовъ былъ отдать за нее самое небо, если она не можетъ съ нимъ раздѣлять его... Страшная мысль! и какъ могла она родиться при Терезѣ, подъ лучами этихъ взоровъ, столько чистыхъ, столько покойныхъ, при этой улыбкѣ, достойной серафимовъ, когда они поютъ хвалы небу?

Голосъ тетки извлекъ и заставилъ вздрогнуть Генриха. Онъ взялъ Терезу за руку и оба пошли къ дому.

— Ты теперь уже не дитя, Генрихъ, говорила старая дѣвушка, отведя его въ сторону. Эти уединенныя прогулки съ Терезою уже не приличны вамъ. Подумай, она тебѣ не сестра; а такъ можно быть только съ сестрою или невѣстою; Тереза же не можетъ быть тебѣ невѣстою,—и при этомъ словѣ старая дѣвушка печально подняла глаза къ небу, какъ обыкновенно случалось, когда она говорила объ еретикахъ...

Г-жа Сен-Пре почти также говорила дочери, разумѣется, только не поднимая глазъ къ небу, и съ-тѣхъ-поръ многое перемѣнилось для молодыхъ людей. Тереза, изъ угожденія матери, готова была безъ ропоту перемѣнить обхожденіе свое съ Генрихомъ; но когда она увидѣла, что онъ удаляется отъ нее, не ищетъ ее ни въ саду, ни на берегу—тогда—прости благоразуміе! Это не осторожность, не приличіе, думала она, нѣтъ! это холодность, Генрихъ разлюбилъ ее.—Научите женщину вѣрить любви, которая ничѣмъ не измѣняетъ себѣ: она согласится, пожалуй, скрывать ее при людяхъ; но ей надобно вознагражденія, ей надобны слезы, вздохи, ласки, весь милый причетъ любви.... и Тереза проводитъ ночи безъ сна и плачетъ думая о Генрихѣ.

Одинъ разъ она помогала старой дѣвушкѣ подвязывать флоксы въ цвѣтникѣ; онѣ разговаривали, смѣялись и не замѣтили какъ пришла гостья. Дѣвица Морель оставила Терезу и сѣла на скамѣечкѣ съ пришедшею. Тереза, оставшись одна, посмотрѣ-

ла вокругъ себя. Двѣ старушки сидѣли поодаль отъ нее; она была одна — прежде Генрихъ былъ-бы съ нею; теперь по цѣлымъ днямъ его нѣтъ дома, или онъ читаетъ запершись въ своей комнатѣ. Крупная слеза скатилась съ рѣсницъ бѣдной дѣвушки и какъ росинка запала въ чашечку цвѣтка. Тереза продолжала работу.

— У васъ была гостья сегодня? спросила новоприбывшая хозяйку.

Денуа? да. Имъ очень хочется познакомиться съ нами покороче. У нихъ дѣти и они все зовутъ Генриха къ себѣ.

Въ эту минуту послышался шорохъ въ кустахъ, не далеко отъ Терезы; она затрепетала и уронила тычинку изъ рукъ.

— А развѣ вамъ это непріятно? продолжала гостья.

— Откровенно вамъ скажу: да. Я ничего не могу сказать противъ семейства Денуа. Но вотъ видите, этою зимою Генрихъ долженъ будетъ ѣхать въ Парижъ для окончанія наукъ. Молодой Денуа также поѣдетъ. Если они еще здѣсь сдружатся, то, конечно, эта дружба будетъ и тамъ продолжаться, и по возвращеніи, Генрихъ сдѣлается короткимъ въ домѣ, а мнѣ бы этого не хотѣлось. Конечно, въ наше время почитается смѣшнымъ говорить о религіи; вѣра отцевъ забыта; она стала всѣмъ дѣломъ чужимъ; однако есть еще сердца вѣрныя Богу, и я увѣрена, сколько братъ мой не кажется преданнымъ свѣту, но я увѣрена, что онъ никогда не согласится, чтобъ такъ называемая реформатка, вошла въ наше семейство,—а у Денуа есть дочери, и хорошенькія...

Холодный потъ выступилъ по лицу бѣдной дѣвушки. Она не замѣтила взора брошеннаго на нее дѣвицею Морель. Сердце ея сжалось; душа открылась страшному свѣту: быть-можетъ, и Генрихъ думаетъ также.

Она не замѣтно ускользнула изъ саду и, сама незная какъ, очутилась на кладбищѣ, на могилѣ матери Генриха. Давно уже эта могила была любимымъ мѣстомъ, куда уходила она отъ веселыхъ подругъ,—алтаремъ, у котораго училась она проливать первыя свои слезы.—Реформатка, реформатка! продолжала она; святая тѣнь! ужели и ты отвергаешь меня?— и горькія слезы ея лились на холодный камень. Она обнимала могилу, какъ-бы же-

лая пробудить въ ней состраданіе, и вдругъ легкой трепетъ пробѣжалъ по жиламъ ея: передъ нею былъ Генрихъ.

О, тогда все, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней скопилось на душѣ бѣдной дѣвушки, все, что думала она, объ чемъ грустила, она, дитя, она все высказала своему Генриху. Онъ сидѣлъ возлѣ нея, обнималъ ее одною рукою, другою сжималъ руку ея; онъ говорилъ, какъ и онъ страдалъ, какъ убѣгалъ ее, потому-что ему было тяжело ее видѣть. Видъ Терезы напоминалъ ему, что она ему чужая. — Какъ-будто-бы Тереза могла быть мнѣ чужою! говорилъ онъ. Что̀ мнѣ нужды до твоего закона? я буду любить тебя какъ сестру и мы будемъ счастливы.

Ахъ! Генриху было только 16-ть лѣтъ.

— Будемъ! говорила Тереза и хотѣла вѣрить; но въ сердцѣ, противъ воли, что-то говорило: чужая ему! и приходилъ на память разговоръ слышанный въ саду......

Прошли годы. Опять лѣтнее солнце вызвало городскихъ жителей въ поля. Опять разцвѣла фіалка въ лѣсахъ и теплая ночь съ яркими звѣздами сходитъ надъ рѣкою. — По излучистой тропинкѣ, вдоль берега идетъ молодой человѣкъ, въ дорожномъ платьѣ, съ маленькой дорожной сумкою за спиной. Свѣтлорусые кудри вьются по плечамъ, легкой румянецъ играетъ на щекахъ, взоры привѣтливо ласкаютъ каждый предметъ, какъ милаго, стариннаго знакомца. Но вотъ онъ въ саду, вотъ на знакомой лавочкѣ сидитъ старая дѣвушка, съ очками, въ ченчикѣ и возлѣ нея....

Тереза ли это? Тебя-ли, наконецъ, видитъ Генрихъ послѣ долгаго отсутствія; онъ не смѣетъ дышать, радость сжимаетъ грудь; не вѣритъ самъ себѣ. Вотъ она! какъ-будто воздухъ вокругъ нее дышетъ чѣмъ-то чистымъ, младенческимъ, какъ-будто-бы свѣтъ мягче и пріятнѣе. И какъ во сто кратъ стала лучше, прекраснѣе Тереза! Эти полныя, атласистыя плечи, эта грудь, трепещущая радостью свиданья, этотъ румянецъ.... О! какъ перемѣнилась она съ-тѣхъ-поръ, какъ въ послѣдній разъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, Генрихъ поцѣловалъ ея щеку, омоченную слезою прощанья. Пять лѣтъ онъ не видалъ Терезы, пять лѣтъ, въ шумномъ, богатомъ развлеченіями и весельемъ Парижѣ, она была далекою звѣздою, къ которой обращались глаза его, когда ду-

ша, утомленная не свойственною ему жизнію, искала въ прошедшемъ чего не доставало ей,—чистыхъ радостей; иногда, въ часы вечерняго труда, милый образъ Терезы являлся ему и будто звалъ впередъ, обѣщая награду за трудъ; иногда, послѣ шумной пирушки, гдѣ онъ искалъ веселья и находилъ одно раскаянье и пустоту, она была опять при немъ, тихо упрекала и милой голосъ шепталъ: забудь! не здѣсь, со мной святое счастіе.... И вотъ она, вотъ эта Тереза, и лучше, милѣе прежняго, и попрежнему нѣжна, и по-прежнему довѣрчива....

И вотъ Тереза опять счастлива возлѣ своего Генриха. Безъ него, неумышленные или умышленные намеки старой дѣвушки тревожили Терезу. Не рѣдко, въ дружескихъ бесѣдахъ, она разсказывала своей молодой пріятельницѣ о Парижѣ, гдѣ жила въ молодости; описывала великолѣпіе храма Парижской Богоматери, его величественные своды, его готическіе алтари, торжественность обрядовъ, и прибавляла: о! я еще не отчаяваюсь помолиться тамъ съ Генрихомъ. Для чего ты, Тереза, не можешь быть съ нами! — и Тереза невольно вспоминала разговоръ слышанный въ саду. Никогда набожная старушка не говорила ясно Терезѣ о ея религіи; но многое въ разговорѣ ея, не открыто, но понятно напоминало дѣвушкѣ о преградѣ, которая раздѣляла ее съ Генрихомъ, и часто, слушая похвалы, съ которыми старушка говорила о своемъ духовенствѣ, восторгъ, съ которымъ объясняла таинственный смыслъ своихъ обрядовъ, особливо, когда старая дѣвушка, со слезами на глазахъ, говаривала: о! еслибъ я могла назвать тебя моею дочерью!—Тереза думала: что это? ужъ нѣтъ-ли какихъ замысловъ въ головѣ моей Морель? не хочетъ-ли она, чтобъ я отказалась отъ вѣры моихъ отцовъ для того, чтобъ... и она краснѣла при мысли, давно составлявшей предметъ ея тайныхъ желаній.—Конечно, Богъ вездѣ одинъ и тотъ-же, продолжала она: но отецъ мой, матушка? согласятся ли они? Никогда. Неужели же они захотятъ, чтобъ я отказалась отъ Генриха? Нѣтъ; но они скажутъ: развѣ вы не можете быть счастливы ходя въ разные храмы? Да, да! но для чего же Генрихъ не такъ думаетъ.

При Генрихѣ же эта мысль не тревожила ея. При немъ любовь была единственною религіею ея души. По себѣ судила она и о сердцѣ Генриха, и, быть-можетъ, не ошибалась. Ген-

рихъ любилъ ее, какъ могла любить его душа. Но есть люди, которые носятъ въ сердцѣ образъ невѣдомаго имъ блаженства; они преслѣдуютъ его непрестанно, увлекаются всѣмъ, что представляетъ хотя малѣйшее сходство съ нимъ, предаются всякому новому чувству, и все напрасно: въ глубинѣ души ихъ, тайный голосъ шепчетъ имъ: не то, не то! и они горестно идутъ на встрѣчу новому обману. Ничто земное не удовлетворяетъ души ихъ, какъ-будто бы само небо открыло имъ тайны своего блаженства. Таковъ былъ Генрихъ. Въ Парижѣ, посреди шумнаго веселья, посреди пировъ, шалостей, товарищей и прекрасныхъ женщинъ, Генрихъ говорилъ: не то! это несчастіе!—и мечта представляла ему кроткой образъ Терезы, любящей и нѣжной. Теперь, возлѣ Терезы, посреди чистыхъ радостей любви, онъ съ удивленіемъ нашелъ въ сердцѣ тотъ-же самый недостатокъ блаженства и, усыпленная подъ напѣвы любви, душа его пробудилась съ мыслію: не то!

И горько было это сознаніе. Когда въ ясное утро, рука объ руку съ Терезою онъ шелъ по цвѣтущему берегу рѣки и взоры Терезы, оживленной красотою весенняго дня, говорили ему о счастіи и любви, онъ задумчиво опускалъ голову на грудь и думалъ: нѣтъ, не то! Есть другое счастіе. Ни прекрасный Божій міръ, ни жизнь, ни самая любовь не въ силахъ дать его; гдѣ жъ она? — и взоры его искали отвѣта въ небесахъ.

Что было дѣлать Терезѣ? она плакала, худѣла, поблѣднѣла. Вся преданность, вся любовь—она, кажется, для счастія Генриха готова была-бы отказаться отъ него самаго. Но Генрихъ любилъ ее,—она это видѣла, она этому вѣрила. Отчего же эта задумчивость, эта печаль?

Родные Терезы замѣчали отношенія ея къ сосѣду; но они не сомнѣвались въ благородныхъ видахъ молодаго человѣка, извѣстнаго имъ своими правилами и честностію; старая Морель все знала и видимо сама покровительствовала склонности молодыхъ людей; что-же могло безпокоить Генриха?

— И ты этого не знаешь, Тереза? говорила старушка любимицѣ своей. Съ нѣкотораго времени она совершенно овладѣла довѣренностью молодой дѣвушки и, казалось, не смотря на морщины свои, понимала жалобы больнаго сердца ея. Увѣряю тебя, Генрихъ любитъ тебя всею способностію души. Твое сча-

стіе и твоя любовь составляютъ всѣ желанія его. Вотъ и сегодня онъ говорилъ со мною о тебѣ, здѣсь, на этомъ мѣстѣ....

— Говорилъ обо мнѣ? О, мой добрый другъ! скажите, скажите скорѣе.

— Я боюсь, Тереза....

— Чего? Бога ради! Я одного только боюсь — потери любви его.

— Что до этого—бояться нечего....

— Что-же?

Тереза! ты — кальвинистка; а ты знаешь, какъ онъ привязанъ къ своей религіи. — Тереза плакала.

— Генрихъ боится—что̀ ты не захочешь пожертвовать ему своими заблужденіями — прости мнѣ это слово: мы такъ думаемъ, Тереза.

Но Генрихъ не говорилъ ни слова. Онъ уѣхалъ, называя Терезу сестрою — она ждала другаго имени, ждала объясненія— Генрихъ былъ нѣженъ при прощаньи, обѣщалъ писать — и только.

И дѣйствительно онъ писалъ и очень часто. Письма его были исполнены любви и довѣренности. Сердце его свободно говорило съ подругою, избранною имъ съ самаго дѣтства; но съ каждымъ днемъ направленіе этихъ писемъ становилось какъ-то всё страннѣе. Генрихъ писалъ о высшемъ блаженствѣ, о ничтожествѣ земнаго счастія, краткости жизни, о совершенствованіи, какъ цѣли человѣка, и необходимости самопожертвованій, какъ средства къ этой цѣли. Высокое призваніе человѣка, великія истины религіи занимали цѣлыя страницы въ его письмахъ. Старая Морель толковала это въ пользу любимой своей мысли, а Тереза думала видѣть тайное желаніе Генриха, приготовить ее къ просьбѣ, которой ожидала.

Страданія Терезы были неописанны; сердце ея боролось между любовью и долгомъ; привычка цѣлой жизни, правила внушенныя съ младенчества, наставленія матери, любовь къ ней, всё возставало противъ страшной мысли отреченія; но образъ Генриха, но любовь говорила за эту мысль и Тереза колебалась. Можетъ-быть, нѣтъ положенія ужаснѣе этой нерѣшимости слабаго существа, которое не имѣетъ силы ни идти противъ совѣсти, ни отказаться отъ счастія, слушаясь голосу ея.

Тѣлесныя силы Терезы не выдержали этого страданія и изнурительная болѣзнь была слѣдствіемъ борьбы. Семейство не могло, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, оставить деревню, гдѣ нельзя было имѣть всѣхъ необходимыхъ медицинскихъ пособій, и тогда дѣвица Морель предложила отпустить съ нею Терезу, говоря, что и безъ того должна была-бы этотъ годъ ранѣе обыкновеннаго переѣхать въ городъ. Семейство Сен-Пре приняло съ благодарностію предложеніе сосѣдки и Тереза отправилась. Всѣ приняли за боязнь вѣчной разлуки, сродную положенію Терезы, горесть ея и слезы.—Нѣтъ, это не предчувствіе, матушка, говорила старшая сестра, стараясь утѣшить мать. Тереза еще такъ молода: она выздоровѣетъ. — Но отъ чего-же такъ плакала она разставаясь съ нами, повторяла бѣдная мать. Вѣдь это не въ первый разъ ѣдетъ она въ городъ съ дѣвицею Морель. Нѣтъ, слезы ея безпокоютъ меня....

Между-тѣмъ, въ домѣ Морель Терезу окружали дружба и нѣжнѣйшія попеченія. Добрая старушка ни на одну минуту не оставляла ее. Нерѣдко набожная сестра милосердія проводила длинный вечеръ у постели больной и живымъ, веселымъ разсказомъ странствованій своихъ по чердакамъ бѣдныхъ, которые называла своими галлереями, услаждала томительные часы безсонницы. Иногда старый духовникъ семейства Морель, разсказывалъ Терезѣ о дняхъ дѣтства Генриха, о набожной матери его; всего-же болѣе услаждали бѣдную страдалицу письма Генриха, котораго любовь, кажется, пробудилась со всею силою при мысли объ опасности Терезы. Онъ умолялъ ее пещись о своемъ здоровьѣ, жить для него, для счастія людей, любезныхъ ей; говорилъ, что надѣется скоро видѣть ее – и Тереза ожила. Нѣкоторые неясные намеки въ письмахъ Генриха о близкихъ надеждахъ, о близкомъ счастіи, наполняли душу ея тихимъ ожиданіемъ лучшаго. О да! она будетъ счастлива! ей позволена надежда и чудный рай мечты....

Съ каждымъ днемъ мать и сестры находили больную все лучше и лучше. Она видимо поправлялась; глаза оживились прежнимъ блескомъ, румянецъ возвращался, и не одну эту перемѣну замѣчали въ Терезѣ: она измѣнилась нравственно. Задумчивость и какое-то безпокойство, въ послѣднее время совершенно измѣнившія веселый характеръ дѣвушки—исчезли. Мѣсто

ихъ заступило спокойствіе и тихая важность. Теперь она была уже не слабое дитя, послушное рукѣ его ведущей, нѣтъ, Тереза стала женщиною, умѣющею желать и покоряться когда должно было. Душа ея приняла новыя силы. Только иногда, смотря на мать, слезы навертывались на глазахъ ея и она становилась безпокойною....

Но странно: по мѣрѣ выздоровленія Терезы, дѣвица Морель становилась необыкновенно безпокойною. Съ нѣкотораго времени въ ней вдругъ замѣтили большую перемѣну. Она по-долго говорила съ духовникомъ, казалась озабоченною и какъ-будто таила какую-то тяжелую печаль.

Однажды — было прекрасное осеннее утро, — Тереза сидѣла подъ окномъ и смотрѣла на чистый небесный сводъ, незадернутый ни однимъ докучнымъ облакомъ. Лице ея выражало то тихое спокойствіе, которое наполняетъ душу, примиренную съ судьбою благодарностію. М-мъ Сен-Пре сидѣла противъ дочери, шила, и по-временамъ смотрѣла на нее, любуясь легкимъ румянцемъ здоровья и особенно выраженіемъ тихаго счастія, которое, въ эту минуту, придавало необыкновенную прелесть лицу молодой дѣвушки. Старой Морель не было дома.

Вдругъ дверь отворилась — почталіонъ, письмо изъ Парижа — отъ Генриха.

Давно уже отъ него не было писемъ. Особенно *этого* Тереза ожидала съ нетерпѣніемъ. Она срываетъ печать.

Прочла и наклонилась къ окну. Румянецъ сбѣжалъ съ лица, рука, державшая письмо, опустилась. М-мъ Сен-Пре, которая слѣдовала взорами за всѣми движеніями дочери, испугалась, встаетъ, — ничего, о, это ничего, мой другъ, говоритъ Тереза, и съ этимъ словомъ падаетъ безъ чувствъ на руки матери...

О! не возвращай ее къ жизни, бѣдная мать. Есть минуты, когда безпамятство — драгоцѣнный другъ, а смерть — желанная гостья.

Первый взоръ Терезы встрѣтилъ взоръ матери; она зарыдала и бросилась на грудь ея.

Вотъ что было въ этомъ письмѣ, которое м-мъ Сен-Пре читала теперь, между-тѣмъ какъ дочь у ногъ ея рыдала, положа голову на колѣна матери.

«Тереза! милая подруга дѣтства! наконецъ свершилось пла-

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

менное желаніе мое: ты сестра мнѣ и вѣчность не разлучитъ насъ. Помнишь-ли ты, когда послѣ перваго пріобщенія моего, я въ первый разъ увидѣлъ бездну насъ раздѣлявшую? Съ-тѣхъ-поръ мысль, что мы будемъ молиться не у одного алтаря, что за могилою я напрасно буду искать сестры моей — эта мысль тяжелымъ бременемъ лежала на душѣ моей. Давно уже тетушка ласкала меня счастливою надеждою: я не смѣлъ вѣрить ей, я только молился и плакалъ; и теперь ты сама, ты, моя сестра, моя Тереза, ты подтверждаешь мнѣ мое счастіе.—Тереза—католичка! Мы пойдемъ съ нею подъ однимъ знаменемъ къ престолу вѣчной благодати! Любимица души моей, дитя сердца моего! могу-ли когда-нибудь выразить словами мое счастіе? поймешь-ли ты его?

«О да! Благодать, коснувшаяся души твоей, должна была открыть мысленный взоръ твой. Ты видишь теперь истину, которая до-сихъ-поръ скрывалась отъ тебя......

(Пропускаемъ все, что могло-бы безъ всякой пользы утомить читателя).

«Давно, Тереза, въ душѣ моей хранится тяжелая тайна. Я скрывалъ ее отъ товарищей, отъ родныхъ, отъ тебя-самой. Эта тайна была — страданіе, страданіе непонятное для меня-самаго. Въ молодости еще жизнь потеряла для меня всю прелесть. Я носилъ въ душѣ моей потребность счастія, искалъ его, къ нему стремился и, между-тѣмъ, все, что ни обѣщало мнѣ радость, было для меня горькимъ обманомъ. Дружба, забавы молодости, свѣтъ и самая любовь, — я не говорю о той пошлой любви, которою женщины, недостойныя этого имени, манятъ молодость,—нѣтъ, самая твоя любовь, Тереза..... близъ тебя, посреди чистыхъ радостей, которыми окружала меня твоя нѣжность, и тогда я чувствовалъ, что все это было еще недостаточно для сердца. Я чтилъ тебя какъ святыню, я зналъ, что недостойная любовь разрушила-бы послѣднюю прелесть моей жизни, низведя тебя, чистаго ангела, въ ряды обыкновенныхъ женщинъ; но самая эта прелесть, Тереза, была еще ничтожною, какъ все земное, тлѣнное.

«И ты сама, не такъ-ли думаешь и ты? Посмотри безъ предубѣжденія на жизнь. Что̀ въ ней можетъ достойно наполнить душу человѣка? Забавы свѣта, людскія похвалы, почести? вѣрь

[faint library stamp] БИБЛИОТЕКА

мнѣ: это очарованное питье, котораго каждая капля, вмѣсто утоленія жажды, только разжигаетъ ее. Все больше-бы и больше хочется пить: жажда не утолена, а питье опротивѣло уже. Привязанность, любовь—скажу опять: взгляни на жизнь. Едва успѣетъ разцвѣсти утро — ужъ и вечеръ. Оглянемся назадъ: много прошло дней и чтò они? Были и радости, чтò осталось отъ нихъ? Гдѣ тѣ, которыхъ мы любили въ дѣтствѣ? гдѣ тѣ, которыхъ дружба счастливила насъ въ молодости? Многихъ нѣтъ уже; другіе измѣнились и мы одни бредемъ къ общей цѣли— могилѣ, оставляя по дорогѣ и любовь, и дружбу, и пріязнь... Все переходчиво, все измѣнчиво на землѣ. Не къ чему и прилѣпиться человѣку: все грозитъ ему близкимъ концемъ и, между-тѣмъ, въ душѣ его живетъ потребность счастія неизмѣннаго, безграничнаго, безпредѣльнаго. Гдѣ же тайна его? Чтò одно не измѣняетъ, чтò провожаетъ его до могилы и на краю гроба зажигается еще свѣтлѣе, чѣмъ когда-нибудь?.. Тереза! положа руку на сердце, спроси его и оно скажетъ тебѣ: Божественная любовь.

«Такъ, Тереза, одна она способна утолить безконечную жажду души; одна она можетъ осуществить ея безпредѣльныя надежды; ей одной могъ я пожертвовать Терезой......

«....Превѣчное милосердіе не отвергло меня, молитвы мои «были приняты. Сегодня, этими грѣшными руками, я сподобил-«ся принести чистую жертру на алтарѣ вѣчнаго Бога. Тереза! «я — священникъ......»

М-мъ Сен-Пре подняла дочь. Сердце матери поняло, безъ объясненій, чтò заставило бѣдную дѣвушку измѣнить вѣрѣ отцовъ, поняло и страданія ея и — простило.

. . . .

Прошли два года. Архіепископъ ліонской, съ небольшою свитою, безъ шуму, тихо прибылъ на Фурвьеръ. Карета его остановилась у монастыря сестеръ живой гробницы. Онъ вошелъ въ церковь и двери опять заперлись за нимъ. Торговый городъ шумѣлъ; по набережнымъ, въ узкихъ улицахъ, въ магазинахъ роился народъ; на биржѣ пересыпали тысячами; въ кофейняхъ толковали о дѣлахъ европейскихъ кабинетовъ, о новомъ законѣ о пошлинахъ, предложенномъ камерѣ депутатовъ; о славной актрисѣ, которая проѣздомъ будетъ играть на боль-

шомъ театрѣ,—но никто не зналъ, что въ обители, въ которую вошелъ архіепископъ, молодая дѣвушка, новообращенная, произноситъ вѣчные обѣты. Знали объ этомъ и плакали въ домикѣ на берегу Соны, да еще молились и радовались въ обителяхъ сестеръ милосердія, превознося имя старой дѣвицы Морель. А что сказали старики Морель и Сен-Пре? Они сказали, что у дѣтей свой умъ и что отцы не указчики, когда дѣти на своихъ ногахъ.

Было и еще одно существо, которое, быть-можетъ, знало, что происходило въ обители. Въ самое то-же утро, въ тулонской гавани снимался съ якоря корабль: онъ отправлялся къ Антильскимъ островамъ. На бортѣ стоялъ молодой миссіонеръ; онъ задумчиво смотрѣлъ на родные берега, и когда подъ кормою зашумѣла волна, послалъ послѣднее прости прошедшему и Терезѣ Сен-Пре.......

М. Жукова.

Лит. Поля

Ахтырская пустынно-жительная обитель.

[illegible] изъ жизни.

[illegible] новаго романа.

═

Дѣйствіе происходитъ въ 1628 году. Въ это время Малороссія была подъ владычествомъ Польши. Поляки угнетали народъ съ жестокостію, не имѣвшею предѣловъ. Гоненіе на Унію увеличивалось болѣе и болѣе; — Украинцы, [illegible], ежедневно [illegible] страшныхъ [illegible]. [illegible] въ народѣ ненависть къ своей вѣрѣ и за [illegible].

— Гор[illegible] [illegible], [illegible] дядьку, сказалъ запорожецъ Запиканка. Ляхи [illegible] завладѣли Украиною, ворочаютъ, какъ хотятъ, и вами, и вашимъ добромъ: казаки стали польскими холопами, ваши священники каждый день умираютъ въ пыткахъ; изъ церквей ляхи подѣлали конюшни, мучатъ васъ; отнимаютъ женъ и дочерей, да ругаются надъ ними.... Пропала ваша казацкая честь! Толи у насъ въ Запорожскомъ войскѣ! [illegible] же весь свѣтъ зоветъ его славнымъ Запорожскимъ [illegible]ъ! Что̀ намъ Ляхъ, что̀ Татаринъ, самъ Турокъ не [illegible] бьемъ, душимъ ихъ, да еще съ нихъ-же беремъ золото мѣшками! — Гуляй душа!... Вотъ хоть-бы и прошлымъ лѣтомъ! Досталось отъ насъ Туркамъ и Татарамъ, всѣмъ на порядкахъ досталось. Хитеръ вражій сынъ Татаринъ; знатный изъ него наѣздникъ, — да и запорожца *не взялъ* [illegible] (*), прибавилъ Запиканка, гордо закручивая за ухо *оселедецъ* (**), а запорожцу не клади пальца въ ротъ.

(*) *Не взялъ* [illegible] равносильно выраженію: «не ударитъ лицемъ въ грязь».

(**) Длинный чубъ.

